

В. ВИТКОВИЧ
Г. ЯГДФЕЛЬД

КАЗКА

Пред бела дряга

Издательство
ЦК ВЛКСМ
"МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ"

1959

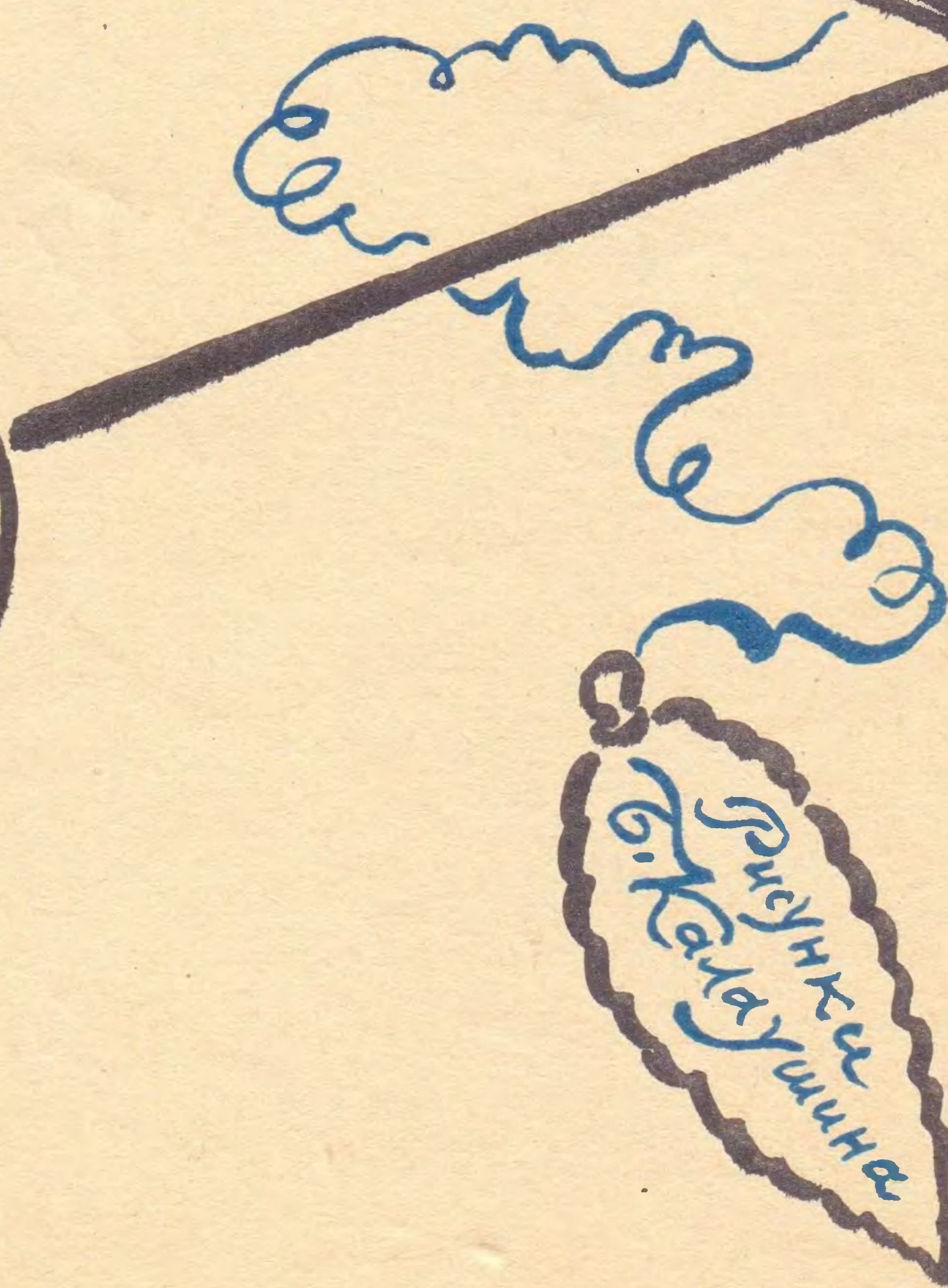
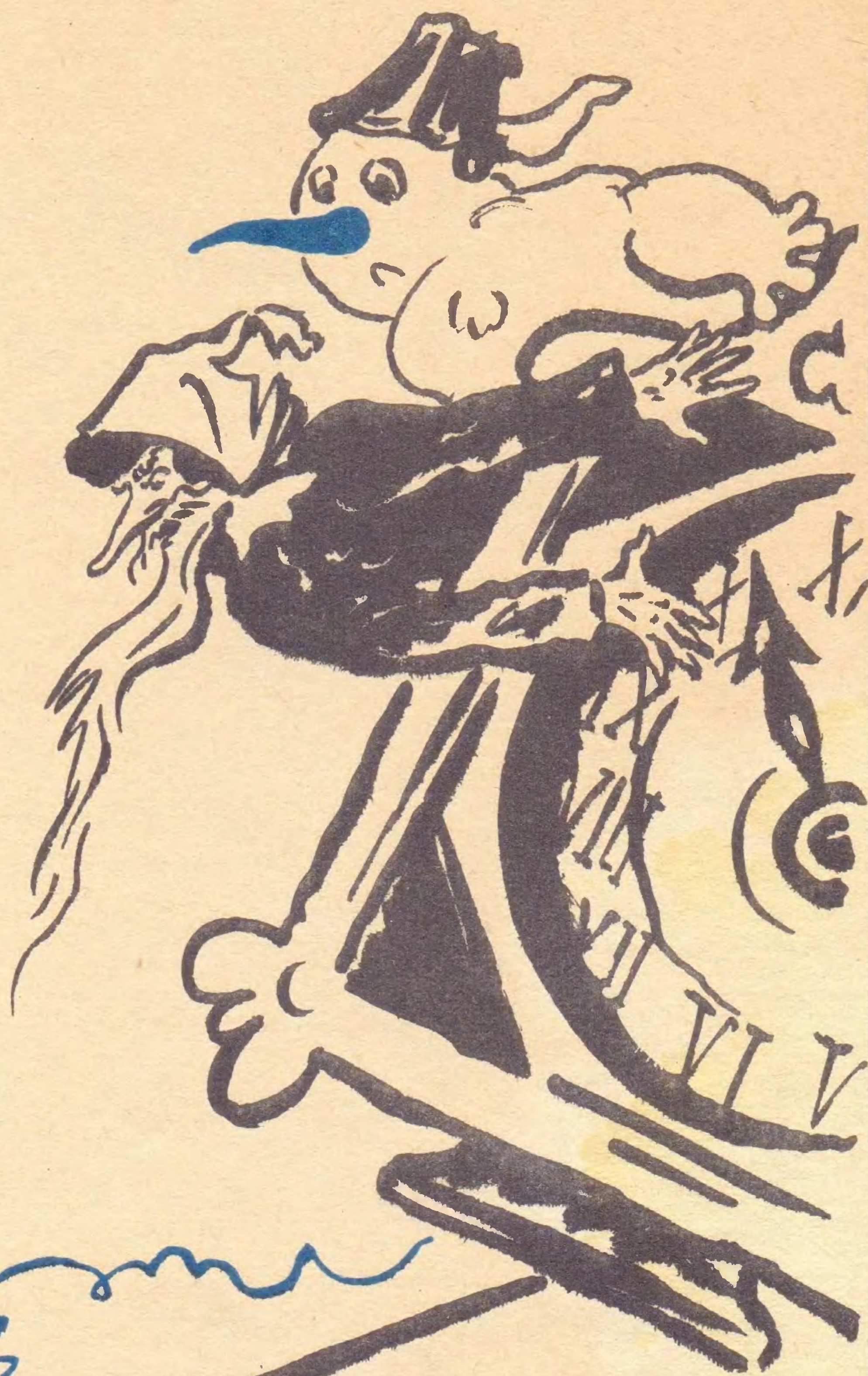

Виктор Виткович
Григорий Ягдфельд

Памяти
Евгения Шварца

сть ли на свете
что-нибудь лучше утра
31 декабря! Когда все

впереди: и новогодняя елка, горящая разноцветными огнями, и подарки, которые тебя уже ждут, но ты не знаешь какие, и новогодние пироги впереди — румяные, пышные, выпеченные из самой белой муки, купленной в городе Ярославле по четыре рубля шестьдесят копеек за килограмм!

Ты просыпаешься в еще не убранной к празднику деревенской избе, где против печи в зеркале — тусклом, с увядшими цветами за рамой — танцуют ржаво-красные языки пламени и из квашни, фыркающая, все в пузырях, лезет тесто, а мать летает по избе, то скребет ложкой по дну кастрюли, то грохочет ко чергой в русской печи, то толчет в ступке сахар, то держит над огнем ошипанного гуся, поворачивая его так, что кожа гуся дымится, потрескивая, и все это значит, что праздник приближается с каждым мгновением...

Как раз в такое утро, в такой избе и начались удивительные события, о которых мы расскажем. Они случились в деревне Неверкове с учеником третьего класса Митей Беловым.

Утро было как утро. Митя проснулся в своей постели, открыл один глаз, лежал и думал — вставать или не вставать, когда кто-то постучал в окошко.

Митя вскочил и в одной рубашке подбежал к окну, покрытому ледяными узорами, багровыми от солнца. Ничего не было видно, только снежные цветы на стекле! Положив голову на подоконник, Митя заглянул в оттаявший мутный уголок стекла и увидел улицу, снег и ребят своего класса.

Схватив шубейку, Митя стрелой бросился к двери. Но мать успела его перехватить:

— Ты куда?

Заснулив, Митя опять подбежал к окну и посмотрел в глазок: катают снежных баб! Тогда, не попадая в штанины и рукава, Митя стремглав стал одеваться. Нахлобучив ушанку, он кинулся к двери.

Держа в одной руке кочергу, мать снова ловко схватила его:

— А мыться?

Митя знал, маму не переспоришь. В отчаянии он стащил шубу. Минуты полторы, не спуская глаз с матери, он гремел умывальником, делая вид, что моется. И, вытерев сухое лицо, опять бросился к шубе.

— А молоко? — неумолимо спросила мать и налила из крынки в граненый стакан теплое молоко с пухлой коричневой пенкой.

Митя тяжело вздохнул, уселся на скамью, двумя пальцами вытащил пенку, бросил котенку. Мальчик медленно пил и дышал в стакан. Взгляд его упал на календарь: остались два последних листочка! Отставив стакан, Митя подбежал к календарю, оторвал вчерашний день, прочел на последнем листочке:

Вот тут-то Митя и вспомнил про часы! Про свои новенькие часы с нарисованными стрелками, которые показывали без пяти двенадцать! Их мама вчера купила ему в городе на базаре, и они пролежали всю ночь под подушкой. Митя подбежал к кровати, вытащил их, потом впрыгнул в валенки. Мать обмотала его длинным шарфом, завязала сзади узлом. И Митя убежал из избы.

Снег хрустел и искрился под ногами. Над избами качались столбы дыма, всюду жарили и пекли. Тускло блестел серебристый плюш снега на бревенчатых стенах изб. А снег вокруг еще не успели протоптать, он был пушист и толст.

Мальчишки катали баб. В кармане у Мити гремело: это прыгали его заветные сокровища в железной коробке от монпансье. Митя пробежал мимо колодца, который весь обледенел, покрылся сосульками и ледяными уступами.

— Гляньте, что мне мамка купила!

Прыгая на одной ноге, Митя начал хвастливо вертеть часики.

Вредный мальчишка Сашка Тимошкин взял часики и приложил к уху:

— Без пяти двенадцать? Немножко спешат!

Мальчишки покатались со смеху.

— Отдавай! — сказал Митя и вырвал часы.

— Чего ржете? — сказал Тимошкин голосом дяди Андрея, председателя сельсовета. — Эти часы ничего. Эти часы два раза в сутки показывают правильное время.

И все опять: «Ха-ха-ха...» Митя тяжело дышал от негодования.

— Много ты понимаешь, — сказал он и надел часы на руку. — Знаешь, какие это часы?

— Знаем, знаем! — закричали мальчишки. — Раз твои, значит самые главные! Главнее нет!

И все начали смеяться так, что на деревне залаяли собаки.

Митя был один против всех. Губы его дрожали, в глазах стояли слезы. Неожиданно для себя он сказал:

— Если эти часы остановить — остановятся все часы на свете!!

Ребята притихли, даже Тимошкин такого не ожидал.

— Остановятся? Как остановятся?!

— А вот так!..

Митя уже удержаться не мог, его понесло:

— ...Все будильники остановятся, и все ходики, и школьные часы!

С состраданием посмотрев на Митю, Тимошкин покрутил пальцем около лба.

— И на башнях встанут часы?

— И на башнях, — заносчиво сказал Митя.

От вранья у него загорелись уши, и он взялся катать свою снежную бабу.

«Часики, а часики, — шептал он, — сделайте волшебные! Сделайтесь, пожалуйста, волшебные, ну, что вам стоит! Часики, а часики...» Он говорил это с таким пылом, что не заметил, как его часики соскользнули с руки, упали в снег и он собственными руками закатал их в снежный ком.

А мальчишки продолжали приставать к Мите:

— И хронометр дяди Васи остановится? Да?.. И часы на вокзалах?.. И часы Главной палаты мер и весов, которые по звездам?..

Если бы мальчишки знали, что будет, они не смеялись бы. Но они не знали и смеялись.

— Ох и дурак, — сказал Тимошкин. — Ну и дурак!

Митя подскочил от обиды:

— А я вот возьму и остановлю время! И... И... — он не знал, что сказать дальше. — И новый год не наступит никогда! Вот вам!

Тимошкин вежливо осведомился:

— Значит, так и будет всегда старый год?

— Так и будет, — мстительно сказал Митя. — Старый год останется навсегда!!

— Ладно, — добродушно сказал Тимошкин. — Пока ты еще время не остановил, тащи морковку!

— И картошку, — добавил кто-то из ребят, сняв варежки и дуя на пальцы.

Митя помчался домой.

Заскочив в сени, он сунулся в ларь, набил карманы морковкой. Но тут в облаке пара из избы вышла мать, вытащила Митю за штанину из ларя и увела в избу.

— Катай тесто, — сказала она.

Митя жалобно пискнул, это не подействовало. Тогда, сняв

шубу, он с тяжелым вздохом начал скалкой катать тесто на доске, посыпанной мукой.

— Все ребята катают баб, — ворчал он, — а я катай тесто...

И вдруг увидел: на руке нет часов. Нет новеньких, маленьких часов на ремешке, с нарисованными стрелками, которые

показывали без пяти двенадцать! Испустив жалобный крик, Митя начал рыться в квашне с тестом.

— Ты что делаешь? — закричала мать.

В отчаянии Митя бросился к ступке.

— Ты, наверное, их растолкла-а, — заревел он во весь голос.

— Что?

— Часы-ы...

— Сказился! — сказала мать и шлепнула его.

Митя выскочил в сени, сунулся в ларь, стал рыться, искать: вверх полетели картошки и морковки. Вышла мать и выпроводила его за дверь.

На улице, в последней надежде, Митя еще раз пошарил в карманах, вытащил коробку от монпансье, открыл. Там было много сокровищ — копейка, уголек и обрывок какого-то старинного заявления с печатью на сургуче, — но часов не было. Да они там и не могли быть. Размахнувшись, Митя со злостью швырнул коробку в снег: раз так, пусть все пропадает!

олча Митя отдал мальчикам картошки и морковки и мрачно стал катать голову своей маленькой бабе. Ему было так жалко часы, что он не видел, как с неба падали редкие звездочки снега. А когда Митя высунул язык и на его кончик упала снежинка, мальчик ее проглотил не заметив.

Из-за риг показались розвальни с большой елкой, но Мите и это было все равно. Макушка елки волочилась по снегу, оставляя кружевной след. Рядом шагал дядя Вася, держа вожжи в руке. Ребята побежали к елке; они уже вставили своим бабам картошки вместо глаз и по морковке вместо носа. Всем было хорошо, только Мите было плохо. Прилепив голову своей маленькой бабе, он поплелся за мальчиками.

Дядя Вася взвалил елку на спину, ребята подхватили ее кто за что и шумно потащили в школу. Но Митя с ними не пошел. Он не мог забыть часиков.

— А вдруг там... — пробормотал он и повернул обратно к своей маленькой бабе.

От огорчения у него щипало сердце. Что было всего досадней: он сам выбирал эти часики в ларьке из целой коробки! Стоило выбирать, чтобы тут же потерять!

Митя начал разрывать ногой снег и шарить руками.

Позади него лошадь, запряженная в сани, мотала серебряной головой. В лучах низкого зимнего солнца снег искрился, как рассыпанные драгоценные камни.

— Что ты ищешь, мальчик? — спросил вдруг какой-то нежный голосок.

Митя поднял голову. Никого! Посмотрел на телеграфный столб: это не он. На обледеневший колодец: это не он. На лошадь, покрытую инеем: это не она.

Раздался тихий смех. Перед Митей стояла ожившая снежная баба: девочка в песцовой шубке, белых ботинках, оторо-

ченных мехом, в белой меховой шапочке и в белых пушистых перчатках. Ее заснеженные глаза были широко открыты.

Митя отступил на шаг, у него перехватило дыхание.

— Я спрашиваю, что ты ищешь, мальчик?

— Часы... — пролепетал Митя.

— Они здесь, — девочка положила руку на сердце. — Слышишь?

И Митя, наклонив голову к шубке, услышал: «тик-так, тик-так...»

— А ты кто? — прошептал Митя.

— Не знаю, — сказала девочка.

— Как не знаешь? — рассердился Митя. — Я же тебя слепил. Скажи спасибо!

— Спасибо, — сказала девочка.

Они помолчали. Митя от смущения тер ногой по снегу. Он исподлобья поглядел на девочку и удивился: ее глаза делались синей и синей! Митя кашлянул и ни с того ни с сего сообщил:

— А завтра Новый год. Мамка печет пироги.

— А я люблю мороженое в стаканчиках, — сказала девочка.

Они опять постояли, не зная, о чем говорить.

— Тебя как зовут?

— Не знаю.

— А фамилия?

— Нету, — сказала девочка.

— Нету? — удивился Митя.

Он уже открыл рот, чтобы спросить еще что-то, но его окликнул с порога школы Саша Тимошкин:

— Митька-а!..

Митя сказал девочке:

— Айда в школу... Золотые кольца клеить...

И, схватив за руку, потащил за собой. Потом остановился, поглядел на девочку:

— Знаешь, лучше я скажу, что я тебя в лесу нашел. И пусть тебя зовут Леля. А то ребята засмеют. Они мне всегда говорят: «Сказки рассказываешь!»

И Митя с Лелей побежали в школу.

школьном зале за
длинным столом и на
полу сидели мальчики

и девочки. Они клеили разноцветные коробочки, красили орехи, вырезали бумажные цепи. Руки у всех были липкие, золотые, а у одной девочки был даже золотой нос.

Посреди комнаты в потолок упиралась елка. Дядя Вася, сельский электротехник, прибывал к потолку провода; его валенки сзади были обшиты кусочками кожи. Скрипнула дверь, и вошел Митя с незнакомой девочкой в белой шубке. Дядя Вася спустил очки со лба на нос и поглядел сверху.

— Вот, в гости приехала, — буркнул Митя, снимая с нее шубку. — Звать Лелей...

— Здравствуйте, — негромко сказала она.

— Здравствуй, — ответили ребята.

А Сашка Тимошкин взял стеклянный шарик, положил на кончик своего пальца и держал не меньше минуты. Но Леля это не заметила.

Она смотрела на шкафы, где за стеклами пестрели коллекции бабочек, гербарии, чучела птиц, заспиртованные лягушки и камни под номерами. На табуретках и подоконниках грудями лежали шубы, ушанки и платки, а на полу валялись коньки с ботинками, калоши.

— Подвинься, — сказала подруге девочка с золотым носом и, освободив место, протянула Леле кисточку. — Садись, крась орехи!

Митя сунулся справа, слева, но возле Лели места не было. А напротив, как назло, сидел Тимошкин, теперь он держал шарик на кончике носа. Этого Митя перенести не мог.

Он подошел к Леле сзади и сказал на ухо:

— А что у меня есть!

— Что? — спросила шепотом Леля.

— Уголек! Из трубки Кащея Бессмертного!

Леля со страхом покосилась на него. Митя гордо взглянул на Сашку Тимошкина и нанес ему следующий удар. Он наклонился к самому уху Лели:

— И еще есть волшебная копейка! На нее что хочешь покупеешь, а она у тебя обратно в кармане.

— Не мешай, — сказала девочка с золотым носом.

Но Митя отодвинул ее локтем:

— И еще у меня волшебная сургучная печать...

Тимошкин ехидно заметил:

— Только он еще не разобрался — от какого волшебника!

Все захихикали. Но Леля не рассмеялась, она посмотрела на Митю серьезно и доверчиво:

— А где они у тебя?

— Сейчас принесу! — обрадовался Митя и кинулся на улицу.

«Подумаешь, на кончике носа! Это каждый может...» — бормотал он, открывая дверь.

Выскочил на крыльцо и разинул от удивления рот: только что светило солнце, а сейчас что! Выл ветер и мел снег. На крыше школы скрежетал и вертелся флюгер. Снежинки мчались по воздуху, от них шел шорох, и ничего нельзя было разобрать. А мороз вдруг ударил такой, что трескали деревья, из глаз текли слезы и тут же замерзали, превращаясь в звонкие льдинки.

Прикрыв голову локтями от ветра, Митя помчался по улице и налетел с разгона на какого-то старичка, чуть не сбив его с ног.

— Здравствуйте! — сказал Митя. Он хотел сказать «извините», но сказал «здравствуйте», и снег сразу набился ему в рот.

Старичок поправил пыжиковую шапку, так замотанную башлыком, что из-под него торчал только пушистый хвостик.

— Отдавай волшебные часы! — пробурчал он.

— Какие волшебные?!

Митя почувствовал, что душа уходит в пятки. Он оглянулся. На улице с воем крутилась метель. В стороне, как три темные тени, стояли три снежные бабы.

— Не хитри! Те самые... — сказал старичок. — Сам говорил! Ну, от которых останятся будильники... Давай, давай!

— Не могу, — упавшим голосом пробормотал Митя. — Я нечаянно закатал их в бабу, а она стала девочкой...

— Побожись! — сказал старичок.

— Честное слово, — сказал Митя.

— Этого еще не хватало! — старичок чуть не заплакал. —

Разве ты не знал, что эти часы сделал сам Антонио Сегеди?
Как же мне теперь быть...

— А что? — спросил Митя.

Но старичок продолжал свое:

— Как же ты так... Ай-яй-яй... Волшебные часики, сделанные тысячу лет назад, и вдруг... Ай-яй-яй...

Митя тоскливо переминался с ноги на ногу, не зная, что сказать. А старичок гудел:

— Главное, сам мне посоветовал...

Тут снег насыпался и старичку в рот. Он поморщился, выплюнул снег, недовольно махнул рукой. И ветер сразу прекратился, снежинки разлетелись в разные стороны и улеглись. Стало тихо. Только три снежные бабы по-прежнему молча стояли, будто ничего не было. А Митя боялся пошевелиться.

Старичок продолжал ворчать:

— Сам мне посоветовал не уходить... Без тебя я бы не догадался... А теперь, когда догадался и решил остаться, вдруг оказалось, что... Ай-яй-яй...

Митя вздрогнул — такая странная мысль пришла ему в голову:

— А вы кто? Неужели Старый год?

— А то кто же, — мирно сказал старичок. — Я думал: приеду, возьму у тебя часики, остановлю их, время остановится, и все будет хорошо. А теперь... Вот беда! Ай-яй-яй... Придется у живой девочки останавливать сердце...

Митя со страхом поглядел на старичка, попятился и опрометью кинулся в школу.

интересно, читатель,
что ты сделал бы на
Митином месте? Не-

ужели бросил бы девочку на произвол судьбы? Нет, конечно, нет! Ты ее не дал бы в обиду! А если бы ты не стал девочку защищать, тогда дальше не читай нашу книжку: мы не для таких пишем! Мы пишем для таких, как Митя.

Когда Митя вбежал в школу, там все смеялись, и веселей всех Леля. Она никак не могла перевязать орех ниточкой, он выскальзывал и падал то в клей, то в золотую краску. Леля смеялась так звонко, что, глядя на нее, серебряные рыбки и зайцы на елке тоже незаметно рассмеялись и от этого упало на пол несколько игл.

Митя крикнул Леле:

— Не бойся!

Сашка Тимошкин открыл рот, чтобы уничтожить Митю, и все уже приготовились фыркнуть. Но отворилась дверь, вошел, не здороваясь, странный старичок в башлыке с кисточкой и двинулся прямо к Леле.

— Я за тобой, — сказал он.

Держа в зубах гвозди, дядя Вася посмотрел со стремянки. Леля вскочила и забилась в угол, а Митя храбро ее заслонил.

— Это кто? — спросила девочка с золотым носом. — Твой дедушка?

— Не знаю, — сказала Леля, дрожа от страха.

Дядя Вася вынул гвозди изо рта.

— Кто вы такой?

— Старый год, — важно сказал старичок и отстранил рукой Митю.

Ребята повскакали с мест:

— Что он сказал?.. Что сказал?.. Кто он?..

Старичок взял Лелю за руку, она умоляюще прошептала:

— Не отдавайте меня...

Митя уже хотел броситься на старичка. Но со стремянки слез дядя Вася.

— Зачем вам девочка? — спросил он.

— Мне нужно остановить ее сердце.

Ребята попятились, со страхом поглядели друг на друга.

— Сумасшедший... — прошептала девочка с золотым носом и спряталась за Митю.

Дядя Вася внимательно разглядывал старичка. Старичок как старичок, даже на вид симпатичный, а так разговаривает!

— Зачем останавливать сердце? — спросил дядя Вася с недоумением.

— Остановить время.

Тут большие школьные часы будто догадались, что хочет ответить дядя Вася, захрипели, пробили одиннадцать раз и пошли дальше. И дядя Вася сказал:

— Время остановить нельзя.

— Я лучше знаю, что можно, а что нет, — сказал старичок и потащил Лелю за руку к двери.

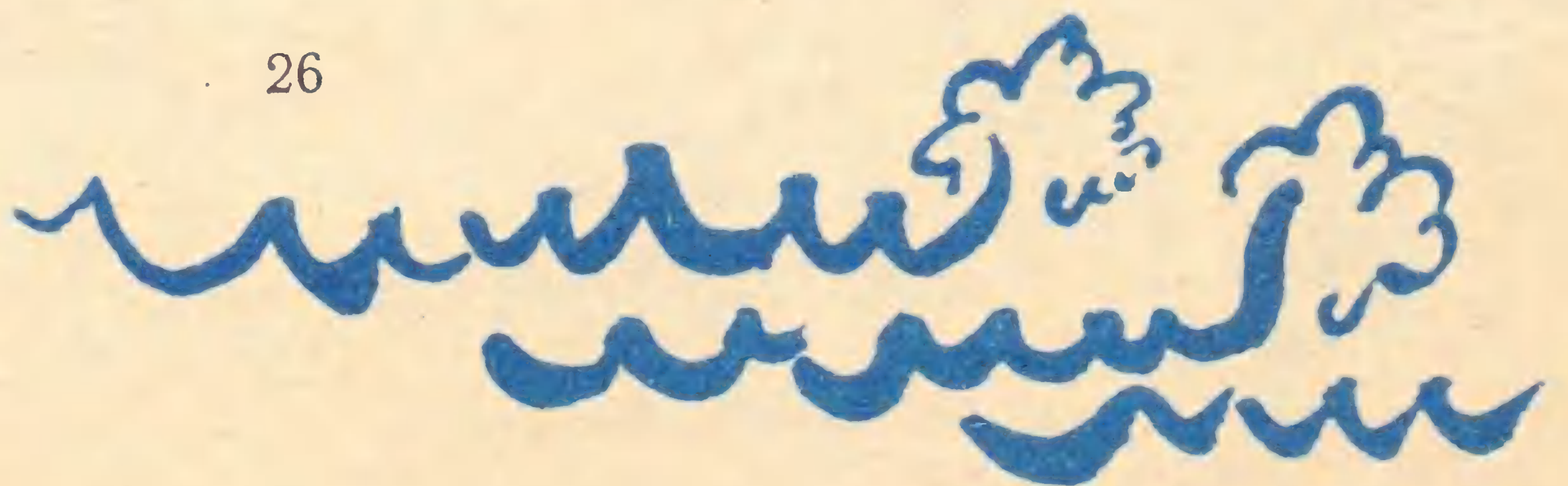
Митя кинулся на старичка, вырвал Лелину руку, крикнул: «Не отдадим!» И ребята встали стеной, закрыв Лелю.

— Это моя девочка, нехорошо, — сказал старичок.

— Вот что, — сказал дядя Вася. — Ваша девочка или не ваша, мы не знаем. Идите в сельсовет, там разберутся.

Старичок обиженно посмотрел на дядю Васю, потом на ребят, потом на Лелю, скрипнул зубами и вышел.

— Психический, — сказал дядя Вася, покрутив головой. — Но ничего, тихий.

— Это не психический! — закричал Митя. — Ребята, я его знаю! Ему осталось жить тринадцать часов, он не хочет уходить! Он решил остановить Лелино сердце! Он не врет! Это Старый год!..

— Зато ты врешь, — сказал Тимошкин. — Опять сказки рассказываешь!

— Я не сказки...

Но Митю отпихнули и повернулись к Леле.

Она уронила голову на стол среди золотых орехов, по столу пошли золотые потеки. Ребята окружили ее, не зная, как утешить.

— Не плачь, — всхлипнула девочка с золотым носом.

Дядя Вася заглянул в синие заплаканные глаза Лели:

— Откуда ты, девочка?

Леля вздохнула два раза — коротко, как после слез в детстве, и сказала:

— Не знаю.

— Ну как же не знаешь, — улыбнулся дядя Вася. — Где твой папа и мама?

— Нету.

— Сиротка, — тихо сказал дядя Вася.

Все пододвинулись к ней ближе. А Зоя, девочка с золотым носом, незаметно положила ей в карман горсть «сливочных коровок». Дядя Вася продолжал:

— Откуда ты приехала?

— Не помню.

Митя, который влез на скамейку, чтобы попасть в первый ряд, выпалил:

— Я ее слепил!

Но его снова стиснули. Дядя Вася продолжал:

— Как же так не помнишь?

Стараясь что-то вспомнить, девочка негромко заговорила:

— Я помню зеленые волны... Море... Белую пену...

— Ты была на пароходе?

— Нет... Около парохода...

Ребята с изумлением глядели прямо в рот Леле.

— ...И помню еще... Вокруг облака... Небо...

— Ты летела на самолете?

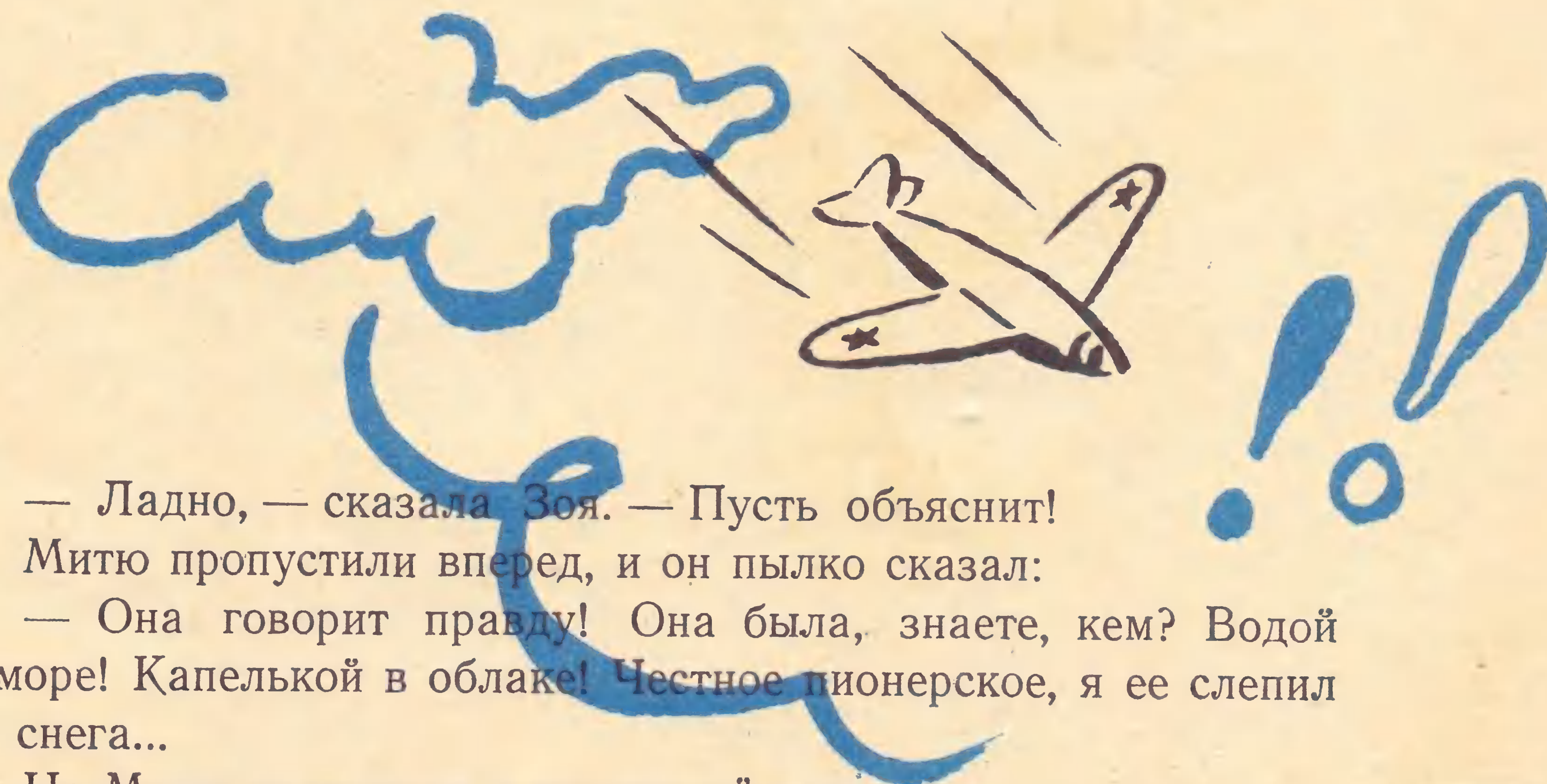

— Нет... Рядом...

Митя подпрыгнул на скамейке:

— Дайте я объясню!

— Не мешай! Отстань! — крикнули ему ребята.

— Ладно, — сказала Зоя. — Пусть объяснит!

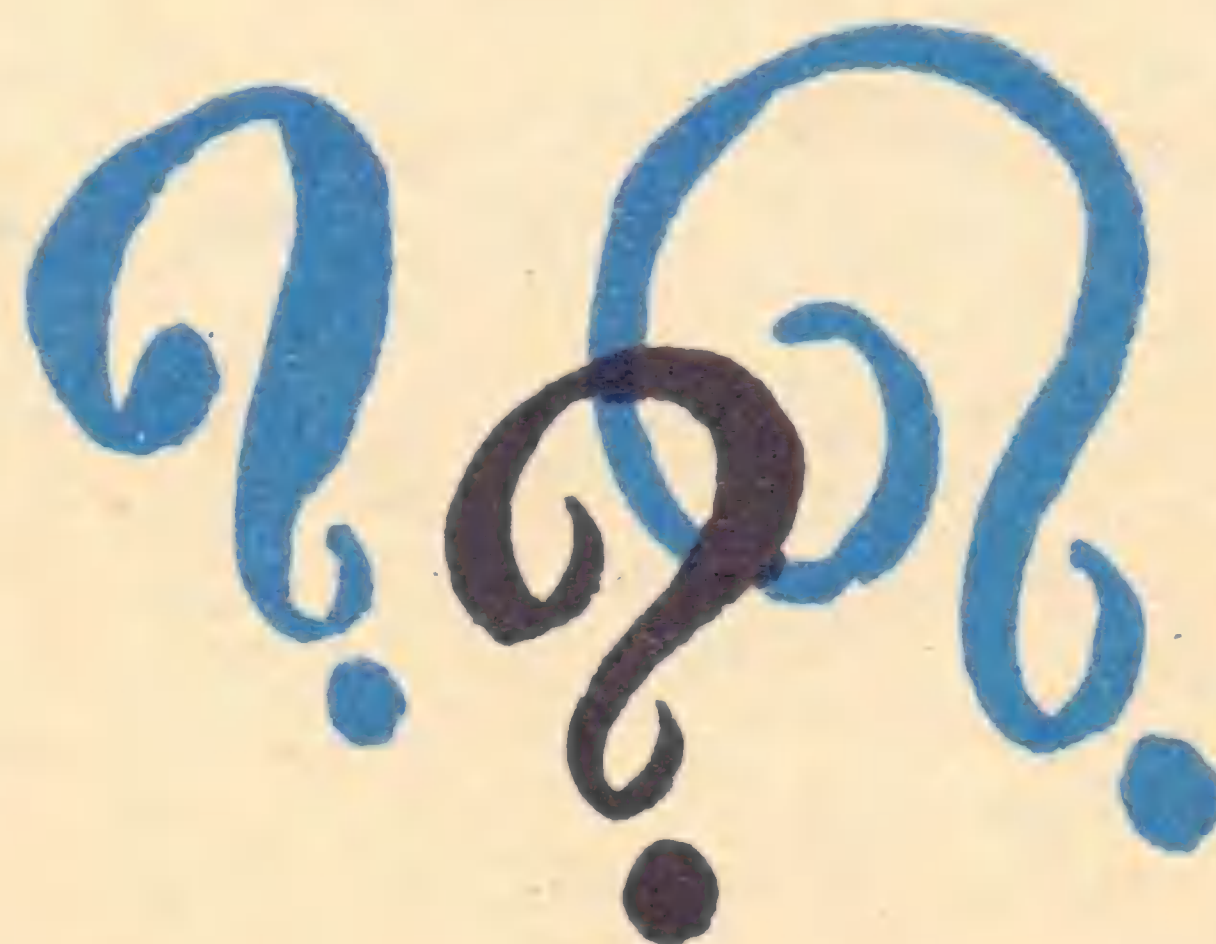
Митю пропустили вперед, и он пылко сказал:

— Она говорит правду! Она была, знаете, кем? Водой в море! Капелькой в облаке! Честное пионерское, я ее слепил из снега...

Но Митю вытеснили в последний ряд.

— Ребята, — сказал дядя Вася, взглянув на школьные часы. — Скоро полдень, а елка еще не готова...

И, взяв в зубы гвозди, полез обратно на стремянку.

имо изб, где пекли и
жарили к празднику,
шел старичок, жалоб-

но бормоча под нос: «Вот сказал — не уйду, и не уйду! Не
хочу уходить! Не хочу! Ни за что не уйду...»

Вдруг он увидел трех снежных баб. Они стояли с морков-
ками и картошками вместо носов и глаз. Ломающиеся тени
падали от них на снег в красных лучах солнца.

Старичок остановился и тихо сказал бабам:

— Эй...

Бабы молчали.

— Ага, — сказал старичок и осмотрелся.

Он заметил на снегу жестяную коробку от монпансье.

— Угу, — кивнул он и поднял.

Открыв коробку, он обнаружил в ней уголек, монету и
обрывок какого-то заявления с печатью на сургуче.

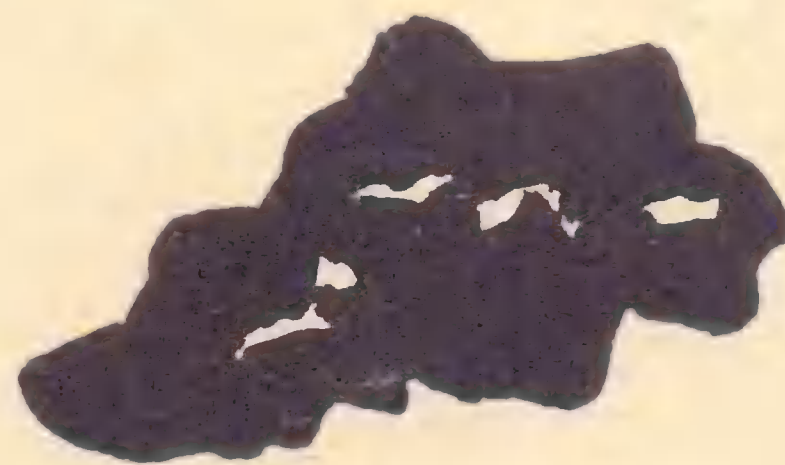

Старичок просиял. Уголек из трубки Кашея Бессмертного и неразменную копейку он узнал с полувзгляда. Но над старинной сургучной печатью с выпуклыми буквами задумался. Вертя ее между пальцев, он прочел: «Волшебная к-ія. столь п. врѣмени».

— Ах, волшебная канцелярия! Стол потерянного времени!.. — вспомнил он. — Хм, попробовать, что ли...

Подойдя к бабам, старичок огляделся — никого не было. Только два воробья прыгали на школьной крыше. Да невдалеке за огородами синел лес.

Убедившись, что никто не смотрит, старичок быстро втиснул самой толстой бабе монету — туда, где должно быть сердце.

— Ты будешь душа продажная! — прошептал он.

Баба взглянула на него тусклыми картофельными глазами и кивнула.

— А ты будешь душа бумажная! — сказал старичок и

сунул второй бабе вместо сердца обрывок старинного заявления с сургучной печатью.

Бумажная душа тоже кивнула. Старичок задумался.

— А ты будешь черная душа!

Он воткнул в грудь третьей бабе уголек. И эта баба кивнула. Старичок отступил на несколько шагов и поманил баб.

Они подошли к нему и склонили головы. Старичок вздохнул:

— Ну и рожи!

— Что? — спросили бабы.

— Ничего, — сказал старичок. — Вот что, бабы. Надо остановить время!

— Приказывай! — хором сказали бабы. — И мы его остановим!

Старый год повернулся к школе:

— Там от меня прячут девочку. Ее зовут Леля. В ее сердце — часы. Волшебные...

Бабы тупо глядели картофельными глазами, и старичок усомнился: понимают ли они, что он говорит.

— Знаете ли вы, что такое волшебство? — подозрительно спросил он.

— Неужели нет?! — сказала Продажная душа.

— Так вот, — продолжал старичок, — если эта девочка с волшебными часами в сердце поглядит на испорченные часы, они пойдут, даже нарисованные пойдут! А если остановить ее сердце, остановятся все часы в мире. И тогда время остановится!

— Ясно, — сказали бабы. — Надо остановить ее сердце. Распахнулась дверь Митиной избы.

— Тшш... — прошипел старичок.

Бабы окаменели, а Старый год сделал вид, будто читает на деревянном столбе объявление о том, что продается коза.

В дверях появилась мать Мити с кастрюлей. Она выплеснула горячую воду, снег сразу стал рыжим, и пошел пар. Подозрительно поглядев на старичка, мать Мити скрылась и захлопнула дверь.

Бабы тотчас же ожили.

— Так о чем мы говорили? — спросил старичок.

— О том, как убить сердце девочки, — напомнили бабы.
— Легче всего убить сердце с помощью денег, — гнусаво сказала Продажная душа.

Старичок поморщился.

— Нет, — сказала Бумажная душа. — Сердце удобнее всего остановить с помощью волшебных чернил.

Черная душа мрачно усмехнулась и промолчала.

— А ты что скажешь, Черная душа? — спросил старичок.

— Это все не наверняка, — снисходительно сказала Черная душа. — Ложь убивает сердце наповал!

— Нехорошие вы бабы, — вздохнул старичок. — Но без вас не обойтись... Главное, я уже совсем собрался уходить, как и все до меня, и вдруг этот мальчишка меня надоумил... И мне так захотелось остаться...

Старичок мучился, вздыхал. Наконец мрачно махнул рукой: «Действуйте!» — и пошел к дороге.

Бумажная душа его окликнула:

— Начальник! А по какому адресу доставить вам сердце?

Старичок сказал:

— Мой адрес: город Ярославль, башня Знаменских ворот.

Из-за ворот вылетела «Победа» с шахматными полосами по бокам и зеленым огоньком. Бабы замерли. Старичок поднял руку. Машина остановилась.

Старичок сел рядом с шофером, сказал:

— В Ярославль!

Машина умчалась, и за нею пошла снежная поземка. А бабы двинулись к школе.

— Девочки, — остановилась Черная душа. — Вы тут стойте, пока я пойду выманю Лелю.

— Почему ты?! — подняли крик бабы.

— Давайте считаться, девочки!

Снежные бабы встали в кружок. И Продажная душа начала бойко, тыча пальцем в грудь по очереди:

— Аты-баты, шли солдаты. Аты-баты, на базар. Аты-баты, что ку-пили? Аты-баты, само-вар. Аты-баты, сколько да-ли? Аты-баты, три рубля!

На слог «ля» она попала в грудь себе:

— Мне идти!

И помчалась к школе, откуда доносились веселые голоса.

лка стояла нарядная, с мохнатыми ветками, покачивающимися под тяжестью игрушек и фонариков. Дядя Вася, все еще стоя на стремянке, развешивал гирлянды разноцветных лампочек. Митя бросал на елку серебряный дождь. Леля смотрела как зачарованная.

И вдруг под ее взглядом часы из серебряной бумаги, висевшие на ниточке, пошли, затикали и свалились, повиснув вверх ногами. Никто это не заметил. А если бы даже кто и заметил — ну, хоть Сашка Тимошкин, все равно он сказал бы что-нибудь такое, от чего всем стало бы смешно и оказалось бы, что чудес нет.

Митя отбежал к окошку полюбоваться елкой издали, прищурился... Раздался тихий стук в окно. Кто это? Прижавшись лбом к стеклу, Митя увидел какую-то тень. Она сделала ему знак и скрылась.

Набросив на плечи шубейку и крикнув Леле: «Я сейчас», — Митя выбежал из школы, выскочил на крыльцо и остолбенел: перед ним на нижней ступеньке стояла снежная баба. Она вытирала ледяные ноги о железку.

— Есть разговор, — сказала Продажная душа, подмигивая Мите.

— Чего тебе? — стуча зубами, спросил мальчик.

Баба поманила его и пошла за угол. Ни жив ни мертв, Митя поплелся за нею.

— На, — сказала снежная баба. — Задаток.

И сунула ему комок смятых трехрублевок.

— За что? — немеющими губами спросил Митя.

— За девчонку. Притащишь ее ко мне, получишь еще столько же.

— За какую девчонку? — прошептал Митя.

— Будто сам не знаешь... — хитро прищурилась баба.

Митя дико заорал. И баба кинулась от него в сторону.

На крики выскочили ребята. Они выбежали без шапок и окружили Митю. Его била дрожь.

— Ты что?!

— Снежная баба, — сказал Митя, не попадая зубом на зуб. — Разговаривает...

— Какая? Где?

Митя показал на бабу, которая рядом с двумя другими стояла как неживая.

— Ты что? Очумел?

— Да-а, очумел! — рассердился Митя. — А это что?!

Он разжал кулак, где были трехрублевки. Но там оказался только тающий комок снега. Митя с изумлением поднес ладонь к носу.

— Эх, ты! — сказал Тимошкин, нахлобучив Мите шапку на нос, и пошел с ребятами в школу. Митя сконфуженно поплелся за ними и, не снимая шубы, забился в угол. Он растопырил пальцы, без конца вглядываясь в ладонь. Неужели причудилось? Да нет, не причудилось...

А возле елки продолжалась веселая суматоха. Смеясь, Леля сняла с себя ожерелье, сверкающее необыкновенными огнями, и, встав на цыпочки, повесила на елку.

— Тебе не жалко? — удивились ребята.

— Нет, — искренне сказала Леля.

Зоя взяла ее за руку:

— Мы пойдем вместе кататься на коньках, ладно?

— Как это кататься? — спросила Леля.

— Я тебе покажу. У меня есть еще коньки, снегурочки. Они мне малы, тебе будут как раз.

— Спасибо, — сказала Леля.

Всего этого Митя не видел, не слышал потому, что сидел, забившись в угол, и размышлял.

— Не может быть... — сказал он, наконец, и, натянув ушанку, незаметно проскользнул в дверь.

Когда Митя вышел на крыльцо, ему показалось, что бабы, стоявшие кучкой, быстро разбежались. «Это только кажется...» — подумал он и храбро пошел к ним.

Бабы были неподвижны. Они глядели на него, выпучив тусклые глаза из картошки.

Митя обошел вокруг, заглядывая каждой в лицо. Наконец, весело насвистывая, он уже взялся рукой за морковный нос, как вдруг...

— Распишись... — негромко сказала баба.

Митя отдернул руку, будто его ужалили. А баба (это была Бумажная душа) протянула Мите какую-то бумажку с печатью.

" ПРИКАЗ № 13/13 " ...

Ученику 3-го класса неполной
средней школы деревни Неверково
Белову Дмитрию Федоровичу.

Получением сего незамедлительно доставить девочку Лелю.

За уклонение от выполнения настоящего приказа...."

М. П.

Не дочитав, Митя рванулся и со всех ног кинулся в школу. У двери он на мгновение остановился, посмотрел на бумагу: она не растаяла. Тогда Митя ворвался с радостным криком:

— А вы говорите нет!.. Нате!.. Читайте!.. Приказ тринадцать-тринадцать!..

Дядя Вася посмотрел на него с потолка. Ребята с игрушками в руках окружили его. Леля задумчиво глядела на Митю, склонив голову набок. Митя разжал руку: никакого приказа не было! В пальцах была тоненькая прозрачная пластинка льда, она таяла и становилась все меньше и меньше.

Митя заплакал и пошел на улицу.

ве снежные бабы из-
девались над третьей:
— Распишись! — пе-

редразнивали они. — Подействовала твоя волшебная бумага!..
Расписался!..

Бумажная душа оправдывалась:

— Просто он маленький. Был бы большой — бумага подействовала бы!

— Вот что, подружки, — сказала Черная душа. — Теперь мой черед. Я пойду за девчонкой.

И она пошла к школе, оставляя на снегу черные следы с потеками.

Митя сидел на крыльце, свесив голову. В школе звенели веселые голоса, смех. И чем веселей были голоса, тем печальней делался мальчик.

— Митя, — совсем тихо позвал кто-то.

Мальчик поднял голову: перед ним опять стояла снежная баба.

— Что вы хотите от меня? — угрюмо спросил мальчик.

— Не бойся меня, — сказала Черная душа. — Я тебе друг.

Эти подлые души, — тут она показала на двух неподвижных баб, которые виднелись поодаль, — хотят утащить Лелю и остановить ее сердце.

Митя смотрел на нее исподлобья.

— Можешь мне не верить, — баба вздохнула. — Но если мы сейчас же не спрячем Лелю, будет беда.

— Беда?!

— Я только что была в сельсовете... — Черная душа оглянулась и перешла на пронзительный шепот. — Этот мерзкий старикан Старый год уговорил председателя. Сейчас они придут за Лелей с милицией!

— А ты не обманываешь? — спросил Митя.

— Погляди мне в глаза, — торжественно сказала баба. — Разве похоже, что я лгу?

Митя поглядел в картофельные глаза Черной души. Трудно было сказать, лгут они или нет, потому что в них не было никакого выражения.

— Что же делать? — доверчиво спросил Митя.

— Спрятать девочку.

— Где?

— Лучше всего у тебя.

— Хорошо, — сказал Митя. — Я спрячу ее на сеновале. Черная душа захныкала.
— Что с тобой? — спросил Митя.
— Старый год убьет меня за то, что я тебе все рассказала.
— Как тебе помочь? — самоотверженно спросил мальчик.
— Спрячь и меня вместе с Лелей.
— Ладно, — сказал Митя. — Посто́й здесь, а я побегу за Лелей.

Когда Митя вбежал в школьный зал, елка уже стояла украшенная, а дядя Вася слез со стремянки и вставил вилку в штепсель. Елка вспыхнула разноцветными огнями. Все игрушки засверкали, загорелся серебряный дождь, и от орехов начали бить маленькие золотые молнии.

Леля зажмурилась, потом открыла глаза и сказала:

— Ах!

Вот почему она не заметила, что Митя дергал ее за рукав.

— Ну все, — сказал дядя Вася и выдернул вилку.

Елка погасла. Теперь она казалась совсем другой в неярком зимнем свете.

— Почему погасили? — разочарованно спросила Леля.

— Мы зажжем ее на Новый год, — сказал дядя Вася.

— А когда это?

— Как когда? — мягко сказал дядя Вася. — Сегодня ночью. Когда пробьет двенадцать часов. Разве ты никогда не встречала Новый год?

— Нет, — грустно сказала Леля.

— Ребята! — крикнул Сашка Тимошкин. — Кому сдавать БГТО — на каток!

— На каток! — закричали ребята, и сразу началась веселая сумятица. Все стали одеваться, толкаясь и хватая коньки.

— Э-эй! — крикнул дядя Вася. — А кто убирать будет?!

На столах, на полу валялись обрывки золотой и серебряной бумаги, ножницы, краски, кисточки, клей.

Ребята неохотно стали стаскивать с себя шубы. Митя прошептал Леле:

— Бежим... Надо спастись... Старый год...

Посмотрев на него широко открытыми глазами, Леля послушно накинула белую шубку.

— Леля, ты куда? — крикнула Зоя, девочка с золотым носом.

— Мы сейчас! — и Митя вытащил Лелю за руку из школы. За углом, где снег был усеян следами вороньих лапок, их ждала Черная душа.

— Познакомься с этой тетей, — сказал Митя.

— Леля, — вежливо сказала девочка.

— Варвара Петровна, — небрежно сказала баба и взяла Лелю за руку. — Скорей!

Тут мы должны сказать, что Черную душу вовсе не звали Варварой Петровной. Это она соврала, сама не знает зачем... Просто привыкла врать.

Митя осторожно ввел Лелю и Черную душу во двор, они прошли мимо дров, занесенных снегом, мимо теплого коровника к лесенке, прислоненной к сеновалу.

— Осторожней, — сказал Митя. — Третья ступенька ломаная.

Держась за перекладины лестницы, снежная баба и Леля поднялись и скрылись на сеновале.

Митя вытащил из-за шивороты соломинку, которая колола ему шею, крикнул наверх:

— Я посторожу! И, как они пройдут, свистну! — И, выбежав на улицу, встал на углу, перескакивая с ноги на ногу и потирая уши. На его правой ноге замерз большой палец, и Митя изо всех сил им шевелил.

Из школы высыпала ватага школьников. С шумом, со смехом, размахивая коньками, ребята побежали на каток. Сзади шагал дядя Вася.

— Ты что стоишь? Где Леля? — крикнула Мите Зоя.

Нос ее уже не был золотым, остались только веснушки, будто нестертые кусочки золота.

— Сейчас мы придем! — крикнул Митя.

И ребята умчались.

Митя шагал вперед и назад и тер уши. Улица была пустынной, дым медленно поднимался из труб. Митя грел нос, оттопыривая нижнюю губу и дуя наверх. Теплый воздух замерзал на ресницах, делая их белыми, а нос красным. А когда и нос начал белеть, Митя пробормотал: «Побегу в сельсовет...» — и побежал.

сельсовете печка смотрела сквозь чугунную дверцу четырьмя

сверкающими глазами и гудела. Кончали годовой отчет.

— Одна тысяча триста два, — бубнил бухгалтер, он вел пальцем по приходе-расходной книге, — помножить на одну тысячу пять...

В комнате пахло пригоревшим железом. Девушка-счетовод трещала на арифмометре, как будто молола в кофейной мельнице серебряные монеты, и время от времени озабоченно поглядывала на свои ногти, покрытые к празднику малиновым лаком.

А председатель сельсовета дядя Андрей сидел в шапке и жалобно говорил:

— Каждый год берем обязательство кончить годовой отчет к двадцать пятому декабря и каждый год опаздываем на встречу...

На стульях висела авоська с бутылками и свертками, это еще больше бередило душу председателя.

Рядом с окном, где на вате было рассыпано конфетти, висели плакаты. Один такой: узбечка в тюбетейке, с двумя черными косами, показывала пальцем в упор и спрашивала: «Сколько шелковичных коконов ты сдал государству?» И второй: среди океанских зеленых волн бравый моряк швырял гарпун в кита, у которого из головы бил фонтан, и было написано: «Перевыполняйте план сдачи китового уса!»

Со скрипом отворилась дверь, раздался тоненький голос Мити:

— Дядя Андрей!

— Не мешай! — рявкнули на него хором сотрудники.
Оглядев комнату, Митя в отчаянии закричал:
— Старый год уже ушел?!

Председатель поднял голову и тупо посмотрел на мальчика. Митя стал сбивчиво объяснять:

— Да старичок... который хотел забрать Лелю... С милицией...

— Какую Лелю? — спросила счетовод.

— Девочку... ну, которую я вылепил из снега...

Все оторвались от отчета и поглядели на Митю, даже печка с любопытством смотрела на него своими сверкающими глазами. Девушка-счетовод сокрушенно сказала:

— И чего матери смотрят... Я бы такого мальчишку...

Но Митя уже не слышал. Он мчался по улице, не чуя под собой ног, и бормотал:

— Меня обманули...

Одним духом взобрался Митя по лестнице на сеновал:

— Леля!

Никто ему не ответил.

— Леля! — крикнул он второй раз.

В углу что-то зашевелилось: оказалось, это был воробей, он вспорхнул и исчез под застрехой.

Митя выскочил на улицу. Ни Черной души, ни двух других баб не было видно. В отчаянии Митя еще раз подбежал к сеновалу и увидел следы: большие следы — баб, и рядом маленькие — Лелины. Следы вели в лес.

— Леля! — завопил Митя не своим голосом.

На его крик выбежала мать. Ни слова не говоря, она схватила мальчика за руку и потащила его в дверь. Митя громко завопил:

— Пусти!.. Я должен ее спасти!.. Ее убьют...

Но это не тронуло сердце матери. Она захлопнула дверь, сняла с Мити штаны, чтобы не убежал, и посадила чистить картошку.

оводилось ли вам когда-нибудь в большом городе, в самом цен-

тре, среди афишных тумб, троллейбусов и универмагов видеть старинную башню с зубцами, к которой сходятся все главные улицы? Такая башня стоит посреди города Ярославля, и каждый может прочесть на дощечке: «Знаменская башня. Памятник старины. Охраняется законом».

Под ее сводами живут вороны, каркая, когда звонят телефоны напротив в номерах гостиницы «Медведь». А в сумерки, в тот час, когда зажигаются огни у подъезда театра имени Волкова, вороны засыпают, и башня погружается в мрак и тишину.

Как раз к этой башне 31 декабря ровно в час дня подкатило такси, из которого вылез Старый год, замотанный башлыком с кисточкой. Он юркнул под каменные ворота и исчез в какой-то незаметной двери.

Поднимаясь по крутой лестнице, где в каждом углу пряталось каменное эхо, старичок вытащил из кармана связку старинных ключей. И остановился пораженный: дверь открыта! Что это?

Старичок полез по лестнице еще более узкой: и вторая дверь оказалась открытой! Ахнув, Старый год побежал по третьей, винтовой, лестнице, быстро вращаясь вокруг себя, и через люк в полу попал, наконец, в свою комнату с бойницами вместо окон, где посреди потолка висел огромный неподвижный маятник и сверху торчали зубчатые колеса гигантского заржавленного механизма.

- Кто здесь? — закричал Старый год.
 Сверху среди колес высунулась лысая голова:
 — Я... Часовой мастер!..
 — Что вы тут делаете?

Часовой мастер сказал вежливо:

— Дело в том, что горсовет поручил мне к Новому году починить часы этой башни.

— Эти часы нельзя починить! — зашипел Старый год. — Знаете ли вы, что они стоят со времен царицы Анны Иоанновны?!

— Мне ли это не знать! — заносчиво сказал мастер.

Это был известный мастер Петушков из артели «Точное время». Он славился тем, что мог ответить абсолютно на все вопросы, которые ему задавали или могли задать. Он знал все... Как и чем на козырьке кепки свести чернильное пятно, и сколько перьев у воробья, который только что родился, и как солили огурцы во времена Ивана Калиты... И на все он отвечал без запинки.

Вот и сейчас, спустившись на каменный пол, Петушков сказал:

— Верно. Эти часы починить нельзя. Их чинили уже три раза: первый раз при царице Елизавете, когда их сломали пьяные стрельцы, качаясь на маятнике, второй раз...

Но Старый год его перебил:

— Прощайте! Мне некогда!

Петушков обидчиво поклонился и пошел к люку.

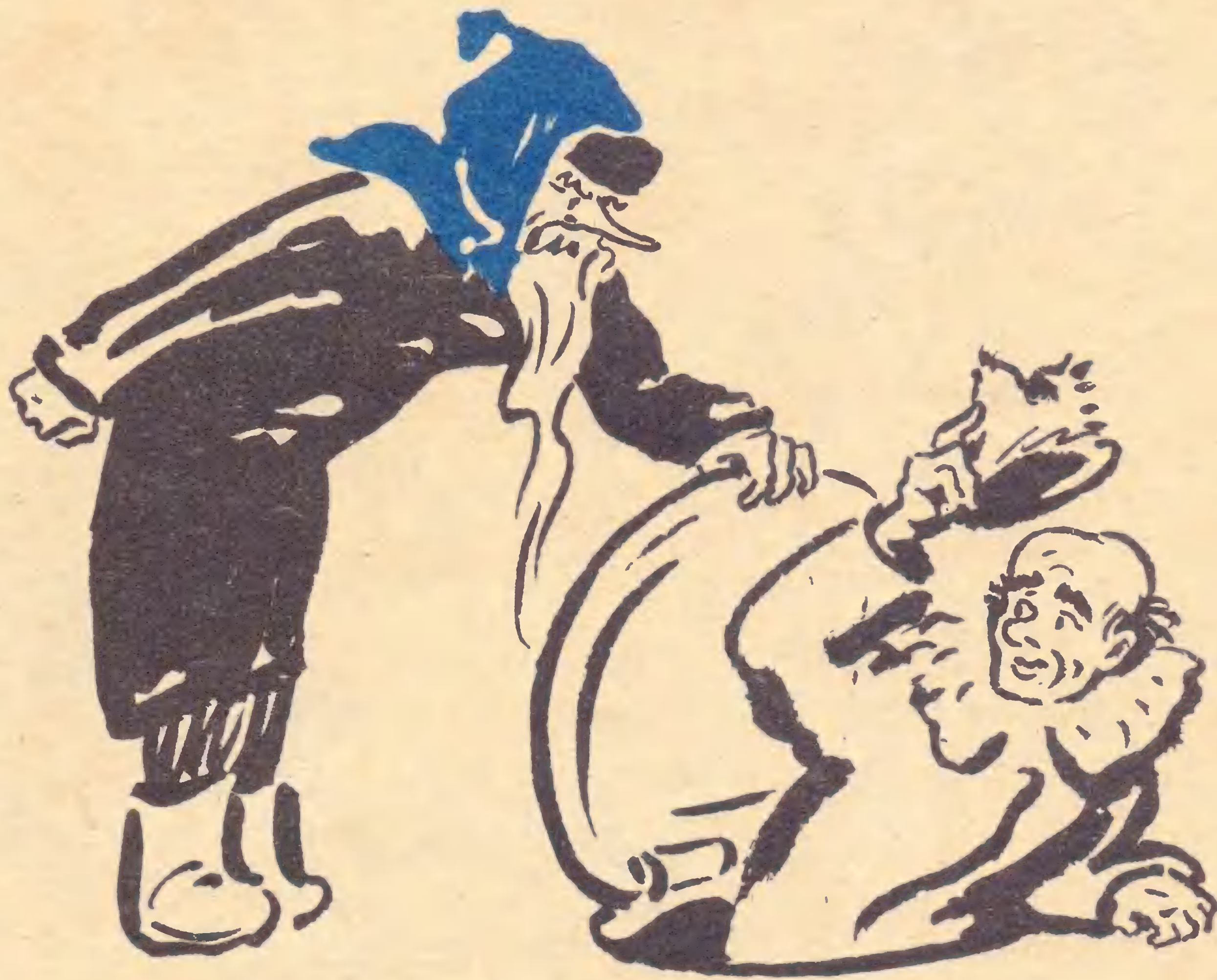
— Не оступитесь на лестнице, когда будете спускаться, — проворчал Старый год.

— Благодарю вас, — сказал Петушков, исчезая в полу. — Желаю приятно встретить Новый год!

— Дурак, — буркнул под нос Старый год и захлопнул за мастером крышку люка.

Он подошел к окошку-бойнице и посмотрел вниз.

В эту секунду сквозь серую щель в тучах на город брызнуло солнце. И засверкали сосульки, прицепившиеся ко всем крышам и водосточным трубам. И в доме напротив через двойные рамы солнце осветило, как в кинематографе, чью-то маму: она стояла на табуретке и украшала елку. А у перекрестка засиял металлический обруч уличных часов, и на блистающем циферблате стрелка подскочила еще дальше, еще ближе к концу года.

По улицам ехали машины, к некоторым были привязаны елки. Шли прохожие, они несли торты и игрушки. Серебряные горлышки шампанского торчали из корзин и карманов.

Неожиданный запах сдобного теста струйкой поднялся из какой-то булочной и коснулся носа Старого года. Старичок сердито чихнул.

— Дураки, — сказал он и скрестил руки на груди, как Мефистофель. — Они думают, что встретят Новый год! Они не знают, что я решил остаться! И двенадцать часов никогда не пробьет! И шампанское останется нераскрытым! И до конца времен будет 31 декабря!

охоча хриплыми голо-
сами, снежные бабы
играли с Лелей

в снежки. Они швыряли их по-девчоночьи сверху вниз, не попадая друг в друга. Было это на берегу Щучьего озера, маленького, лесного, покрытого льдом, замеченного снегом.

Вокруг озера лежал снег разных оттенков: высокие шапки снега на пнях, резной переплет снега на сучьях бурелома, кружевные зонты елей, серебристая снежная пыль, осыпающаяся с ветвей. И среди этого белого царства краснела темная гроздь рябины.

Наигравшись, снежные бабы сели на пни, а Леля, смеясь, прислонилась к заиндевавшему стволу высокой сосны. Девочка запыхалась.

— Ах, сердце... — весело сказала она, держась рукой за грудь.

У баб сразу слетели улыбки, они алчно переглянулись.

— Продашь? — спросила, облизнувшись, Продажная душа.

Она вытащила толстую пачку замусоленных рублевок, плюнула на пальцы, отсчитала три бумажки и спрятала остальные.

— Хорошо даю,— сказала она, протянув Леле деньги.

— За что? — спросила Леля.

— Сердце твое покупаю.

— Сердце? — удивилась Леля. — А как же буду без сердца?

— Ну и что, — сказала баба. — На свете будет еще одна девчонка без сердца. Их сколько угодно!

И опять протянула деньги:

— Берешь?

Леля спрятала руки за спину.

Баба фыркнула:

— Можно подумать, что у нее в груди бриллиант!.. Детские часики, красная цена — рупь семьдесят! А я, дура, даю тебе трешку! Бери, а то передумаю!

Леля опять замотала головой.

— Ладно! — сказала Продажная душа. — Тогда давай так: ты мне — игрушечные, я тебе заводные — с музыкой!

— С музыкой? — оживилась Леля.

— А как же! — и баба придвинулась ближе к девочке. — Я видала в городе часы — золотые, цифры горят и играют песенку...

И Продажная душа запела хриплым голосом: «Бродяга я...»

— Хочешь такие часики?

У Лели загорелись глаза:

— Хочу.

Продажная душа обрадовалась:

— Мигом слетаю в город и притащу!

Она победоносно подмигнула бабам — знай, мол, наших! — и помчалась, громко хрустя снегом и сучьями. Бабы погляде-

ли ей вслед, переглянулись. Черная душа сказала сладким голосом:

— Давайте, девочки, играть в прятки! Чур, не вожу!

— Чур, не вожу! — подхватила Бумажная душа.

— Тебе водить, — сказала Черная душа Леле.

Леля сунула руку в карман, вытащила «сливочные коровки», которые ей дала Зоя, раздала по конфете бабам, уткнулась в серебряное от снега дерево, честно зажмурила глаза и стала считать:

— Раз, два, три, четыре...

Неуклюже прыгая через сугробы, бабы спрятались за ближайший куст и, жуя конфеты, шептались:

— Пока эта дура бежит за часами, мы сами остановим сердце девчонки, — сказала Черная душа.

Бумажная душа кивнула:

— Сейчас я его остановлю с помощью волшебных чернил...

И она сунула руку за пазуху, где у нее хранился, как в портфеле, ворох каких-то пожелтевших бумаг.

— Иди-ка ты со своими чернилами! — сказала Черная душа, но, заметив, что Бумажная душа обидчиво поджала губы, добавила примирительно: — Ты, дура, не обижайся, твои чернила еще пригодятся... Я тебе сейчас покажу, как убивают сердце клеветой... Ау-у! — крикнула она фальшивым голосом. — Можно-о!

— Иду-у!.. — сказала тоненьким голоском Леля и пошла прямо к кустам, где сидели бабы, глядевшие на нее сквозь сучья холодными глазами.

Увидев баб, Леля захлопала в ладоши, засмеялась и побежала обратно к дереву.

— Раз-два-три! Всех застучала!

Бабы зашагали к ней.

— Ну, теперь вы водите, а я спрячусь, — сказала Леля.

— Нет, — сказала Черная душа. — Садись!

Леля села на пень, чинно сложила руки и поглядела на бабу чистыми глазами.

— Вот что, — тяжело вздохнула Черная душа. — Ты хорошая девочка, но с тобой поступили подло...

— Кто? — удивилась девочка.

— Митя.

— Митя? Со мной? — и Леля звонко рассмеялась.

— Он продал нам твое сердце за три рубля.

Но Леля продолжала смеяться.

— Ты, конечно, не веришь, — сказала Черная душа. — Ты, наверное, думаешь, что твой Митя царевич, который скакал на сером волке...

— Царевич, — кивнула Леля.

— На самом деле он серый волк, а не царевич! Да, да, что ты на меня так смотришь!

— Спасибо вам, что вы со мной шутите, — сказала Леля. Бумажная душа покосилась на Черную, скривилась и махнула рукой.

Черная душа терпеливо продолжала:

— Я не шучу. Митя — тот самый волк, который съел Красную шапочку...

Леля насторожилась.

— Да, да. Он съел сначала бабушку, потом Красную шапочку, потом трех поросят...

— Потом семеро козлят? — спросила Леля.

— Вот видишь, девочка, ты немножко и поверила...

— Нет, нет! Не поверила! Не поверила! Он не волк! Это вам показалось!

— Все мы раньше думали, что он не волк, — продолжала Черная душа, — но однажды...

И она начала рассказывать про Митю одну историю хуже другой. Она знала, что, если Леля даже не всему поверит, капелька клеветы в ее сердце останется. Капелька за капелькой, сердечко медленней и медленней, глядишь, и остановилось...

Черная душа врала вдохновенно. И действительно, отравленное сердце девочки билось все медленнее! А с часами во всем мире стало твориться такое, чего никогда еще не бывало.

Первым это заметил мастер Петушков в городе Ярославле. Он сидел в своей мастерской. На стенах качались маятники, тикали ходики, и круглые столовые часы, и старинные с фарфоровыми амурами, и корабельные хронометры, и электрические, и ручные часы разных форм. На стекле чернела надпись: «ямерв еончоТ» — «Точное время» — с обратной стороны.

Все было как обычно. Мимо окна, которое было заставлено часами и продувалось вентиляторами, шли прохожие, на них большими хлопьями падал снег. Перед мастером стояла клиентка — баба, закутанная в платок. Правда, из-под него торчал нос, похожий на морковку, но на улице был такой мороз, что это не удивило мастера.

Возле бабы на прилавке лежали золотые часики в форме сердца, с толстой цепочкой. Мастер скучающе смотрел на Продажную душу, а она орала, как на базаре:

— Даю триста двадцать!

— Слушайте, — устало сказал мастер. — Это не частная лавочка, у нас не торгуются!

И он присел за свой столик, где лежали пинцеты, стрелки, пружины и циферблаты с арабскими и римскими цифрами.

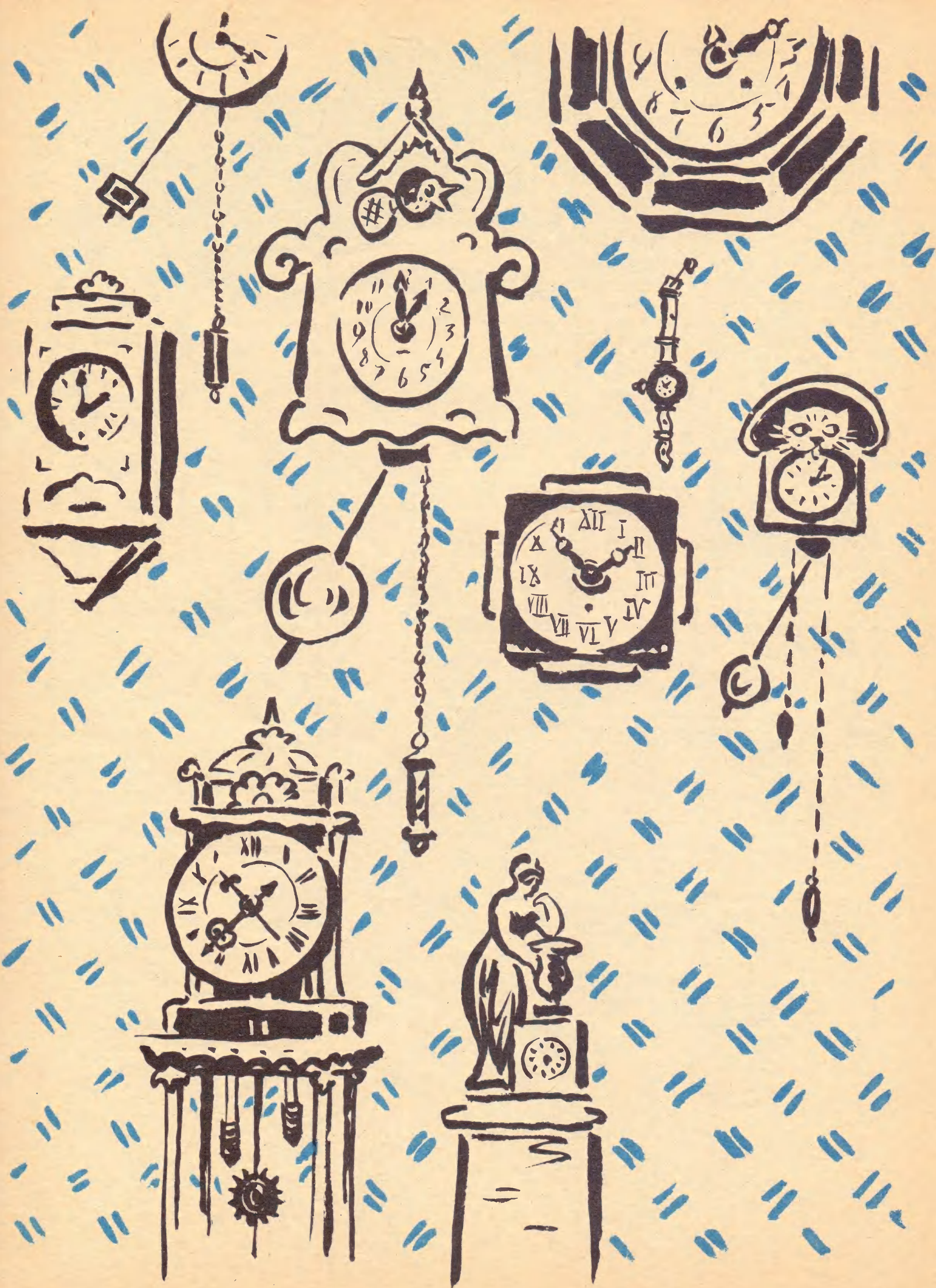
— Я бедная женщина! — вдруг всхлипнула баба. — Триста двадцать рублей сорок копеек. И ни копейки больше!

Не успела она это сказать, как маятники на всех часах задрожали, качнулись в одну сторону, будто кто-то невидимый

прошел мимо с огромным магнитом, потом отлетели назад и пошли медленней.

В изумлении мастер привстал. Баба вытаращила глаза.

— Что такое? Что такое? Что такое? — встревожилась она.

— Что-то случилось со временем, — сказал мастер, у него затряслись руки.

Баба сообразила сразу, в чем дело, и взвизгнула:

— Эти подлые бабы сами останавливают ее сердце!

— Что?! — не понял мастер.

Продажная душа швырнула на стол пачку денег:

— Черт с тобой!.. Пользуйся!.. — схватила часы и умчалась.

Петушков как потерянный поглядел вслед бабе, подбежал к морскому хронометру, взял свой пульс, сосчитал и ахнул. Двести двадцать!

Это был единственный случай, когда мастер Петушков, который всегда все знал, не мог даже самому себе объяснить, что случилось.

ад Щучьим озером
свистел ветер. Уткнув-
шись в варежки, Леля

горько плакала. А Черная душа стояла над девочкой, расска-
зывая про Митю плохое.

— Все равно не верю, — всхлипывая, говорила Леля. —
Это выдумали злые люди, они вас обманули...

— Выдумали, — горько усмехнулась Черная душа. —
И я была счастливой матерью трех детей. И у меня был дом,
и салфеточки на комод, и телевизор... Так было хорошо! Де-
ти играли в чижики, а Митя их съел!

Бумажная душа, писавшая что-то вороньим пером, поддер-
жала Черную душу:

— Он и меня чуть не съел...

— И ее, — кивнула Черная душа. — Мы спаслись от Мити,
притворившись снежными бабами, чтобы нас холодно было
есть.

Такое количество подробностей подействовало на довер-
чивую душу девочки. Она грустно спросила:

— А где Митя сейчас?

— Наверное, где-нибудь сидит и кого-нибудь ест, — сказала Черная душа.

— Неужели? — прошептала Леля.

Где же в это время на самом деле был Митя? Почему он не мчался на помощь девочке, сердце которой было в опасности? Очень просто: он все еще сидел без штанов у себя в избе и, насупившись, чистил картошку.

Медленно шли на стене ходики, словно маятник цеплялся за что-то невидимое. И в трубе слышался вой:

«У-у-у-у... Он хочет съесть бабу Ягу-у... Он уже вылетел за нею в трубу-у... У-у-у-у...»

Митя подозрительно посмотрел на вьюшку трубы.

Мать рогатым ухватом вытащила противень из печи: пирог был бледен и тонок, он не поднялся, не подрумянился.

— Не пекутся пироги! — горестно воскликнула мать. — Что за напасть! — и с сердцем сунула противень в печь. Ей даже и в голову прийти не могло, что это время останавливается.

Митя очистил последнюю картошку и бросил нож.

— Давай штаны! — сказал он.

Мать искоса взглянула на грудку картошки, потом бросила через всю избу штаны. Митя поймал их, надел и в раздумье подошел к окошку, покрытому ледяными узорами:

— Где искать ее... — пробормотал он с тоской.

Внезапно солнечный луч багровым огнем осветил снежные узоры, окно вспыхнуло и стало похоже на карту. Митя пальцем повел по снежным иероглифам, бормоча:

— По Волчьему логоу до горелого пня...

— Что? — спросила мать.

— Не мешай! — сказал Митя. — От горелого пня до Лысого болота через Кузькин брод...

— Помешался... — сказала мать, вытаскивая ухватом второй пирог.

— ...И овражком до Щучьего озера!

Стрелой Митя кинулся к шубе.

— Ты куда?

Митя сразу поднял дикий рев. Мать махнула на него рукой.

— Ладно, иди, — сказала она. — Это от твоего крика пироги не пекутся.

И Митя выбежал из избы.

время в мире останавливалось. Замедляли ход швейцарские часы с ручательством на пятнадцать лет, и те часы, которые продают в стакане с водой, и даже самые точные часы на свете, которые идут по звездам...

Леля сидела на пеньке, с закрытыми глазами, ее сердце билось чуть слышно, и каждый удар будто уносил частицу ее жизни.

— Теперь веришь? — усмехнулась Черная душа.

— Нет, — прошептала Леля.

— Еще что-нибудь расскажи, — буркнула Бумажная душа Черной.

Та кивнула.

— А ты знаешь, зачем Митя поступил в школу?

— Учиться... — едва слышно сказала Леля.

— Нет! Чтобы съесть двенадцать учеников из третьего класса и тринадцать из параллельного. А потом он хочет съесть учительницу и дядю Васю.

— Не хочет! — сказала Леля.

— Хочет, хочет! — сказала Черная душа. — Он давно бы их съел, да ждет, когда зажгут елку...

Ах, если бы в это время двенадцать учеников из третьего класса и тринадцать из параллельного и все остальные мальчики и девочки вместо того, чтобы кататься на катке, пришли на помощь Леле! Но они ничего не знали.

Каток был устроен на деревенском пруду и окружен сугробами. На старте и финише навалом лежали шубы и шапки. Трое мальчишек готовились к старту. А у финишной черты стоял дядя Вася с секундомером.

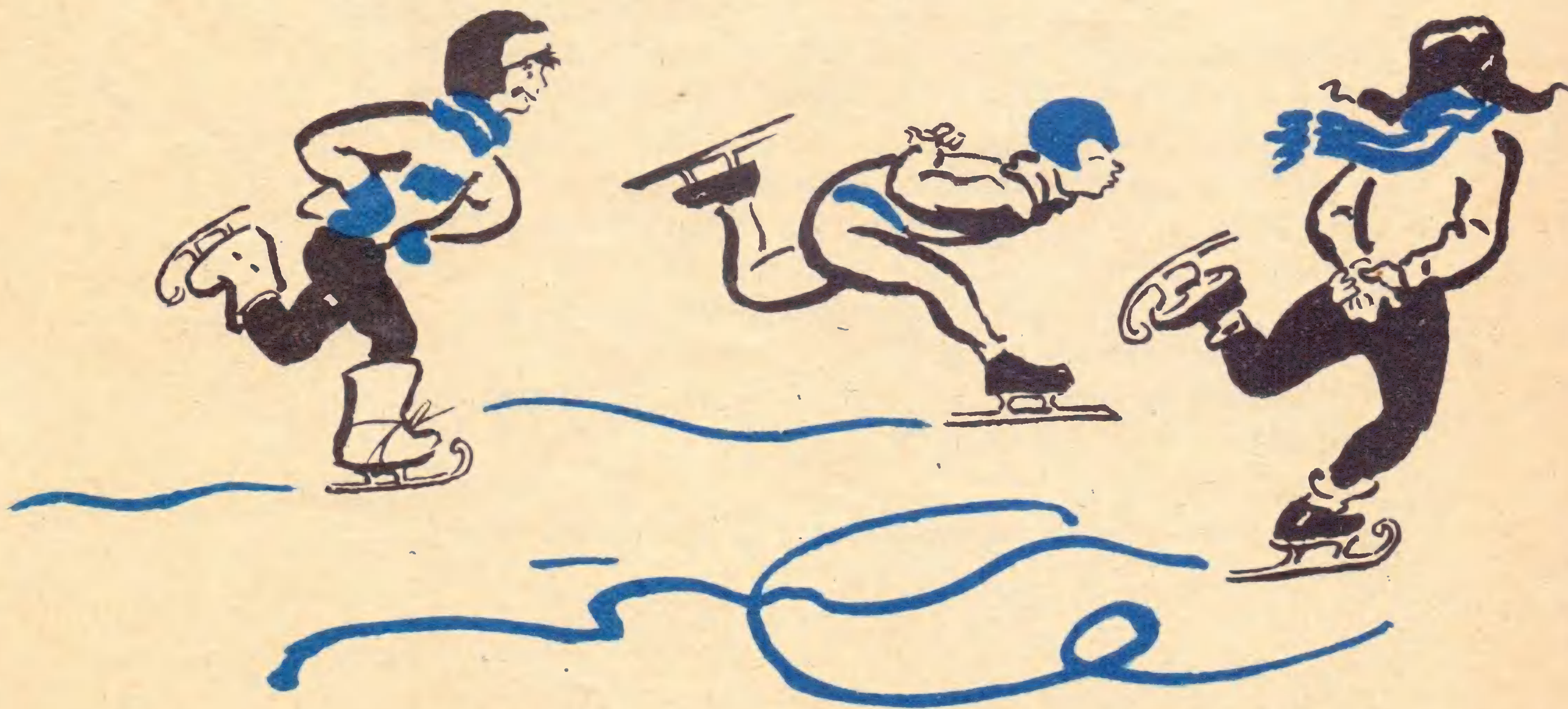
— Внимание! — крикнул дядя Вася. — Приготовились! Пошел!

Он взмахнул рукой и нажал кнопку секундомера. Мальчишки помчались. Остальные вопили:

— Давай, Мишка!.. Сашка, давай!..

Честно говоря, мальчики бежали не очень бойко. Но дядя Вася с изумлением смотрел на часы.

Когда Тимошкин пересек линию финиша, дядя Вася остановил секундомер:

— Не может быть! — сказал он.
— А что? — окружили его конькобежцы.
— Всесоюзный рекорд! — сказал он и схватился за голову.

Потом с подозрением осмотрел секундомер, послушал, вынул из кармана часы-луковицу с секундной стрелкой.

— А ну, давай еще раз, — сказал он.
— Можно мне? — спросила Зоя.
— Можно, — кивнул дядя Вася.

Девочка встала на старт. Дядя Вася махнул рукой, и Зоя побежала. Она бежала совсем плохо. Ей даже не помогало «давай-давай», которое кричали мальчишки. В довершение всего она упала и пересекла линию финиша лежа.

— Мировой рекорд, — сказал дядя Вася как потерянный.
— Ура-а! — закричали ребята.

Зоя встала и, вспомнив, как вела себя чемпионка Москвы Римма Жукова, скромно улыбнулась и поклонилась.

Подбежал Митя.

— Митька! — крикнули ему ребята. — Иди мировой рекорд бить!

— Это не рекорд, это время останавливается!.. — закричал Митя отчаянным голосом. — Леля... — его голос сорвался.

Ребята посмотрели друг на друга, потом на Митю. Но он уже бежал к лесной опушке.

Мемнело. Из леса к Щучьему озеру крались тени. Над про-

рубью стоял дымный туман. Где-то в тучах каркнула ворона, и ветви деревьев будто сомкнулись, закрыв серое небо.

Девочка лежала на снегу. Ее ресницы дрожали. Над ней склонились две снежные бабы. Слушая Лелино сердце, Бумажная душа прошептала Черной:

— Сейчас распишется, и сердце остановится...

Обмакнув воронье перо в банку с чернилами, она сунула его Леле в руку. Девочка открыла глаза.

— Распишись, — сказала Бумажная душа и начала монотонно читать приготовленную расписку: — «Верю, что мальчик Митя не мальчик, а серый волк...»

Леле было уже все равно. Она взяла дрожащей рукой

расписку, чтобы подписать свое имя. Вдруг раздался отчаянный крик:

— Стой! Стой!

Это бежал Митя, проваливаясь в снег и размахивая руками. Он подскочил к Леле, выхватил из ее рук расписку и разорвал на мелкие кусочки.

Леля широко открыла глаза, улыбнулась. И в то же мгновение в мире произошло чудо.

В городе Ярославле в часовой мастерской на всех часах маятники вздрогнули и пошли быстро и весело. Мастер Петушков будто очнулся, поглядел на часы, пробормотал: «Что это было со мной?» — и провел рукой по глазам.

А в Митиной избе случилось вот что. Мама, ворчавшая на пироги, которые ни за что не хотели печься, вытащила противень из печи и ахнула: «Только что смотрела!» Пирог сгорел. Она взглянула на ходики, но они шли так звонко, что ни ей и никому другому не могло бы и в голову прийти ничего плохого.

Всюду время пошло быстрее, даже поезда и самолеты во всем мире прибавили скорость! А у Щучьего озера Черная душа уже скрутила Мите руки, он старался вырваться.

— Ты что лезешь не в свое дело?! — сказала Черная душа. — Тебя трогали?!

— Да-а... — сказал Митя. — Вы же время останавливаете!

— А тебе какое дело?

— Как какое? Время остановится — жаворонки не прилетят! Не будет яблок! Купаться нельзя будет! За ягодами не пойти! Я никогда не перейду в четвертый класс! И никто никогда не полетит на Луну! Пусти! — вдруг взвизгнул Митя и укусил бабу в руку.

Черная душа схватила горсть снега и заткнула ему рот.

— Не трогайте! Оставьте его! — закричала Леля.

Но Черная душа потащила Митю к проруби, края которой дымились.

— Не надо! Не надо! — крикнула Леля, кинувшись вслед. — Не убивайте его! Хотите, я отдам вам сердце?

— Леля, не отдавай им сердца! — отчаянно закричал Митя.

Черная душа подняла мальчика над прорубью, где крутилась темная вода, и сказала Леле:

— Твое сердце или его жизнь?

— Возьмите, — сказала Леля.

Она вынула из груди свое сердце-часики, протянула Черной душе и тут же застыла, лицо ее помертвело, синие глаза померкли. И она осталась стоять маленькой снежной девочкой с протянутой рукой, на которой лежали детские часики.

Привязав на всякий случай Митю к стволу ивы, торчавшему прямо из льда возле берега, бабы подбежали к Леле и остановились пораженные: часики с нарисованными стрелками шли, тикали.

— Идут почему-то... — прошептала Черная душа.

— Да что ты?! — ахнула Бумажная.

Черная душа взяла часики, потрясла их, приложила к уху:

— Идут!

Бабы тупо глядели друг на друга картофельными глазами.

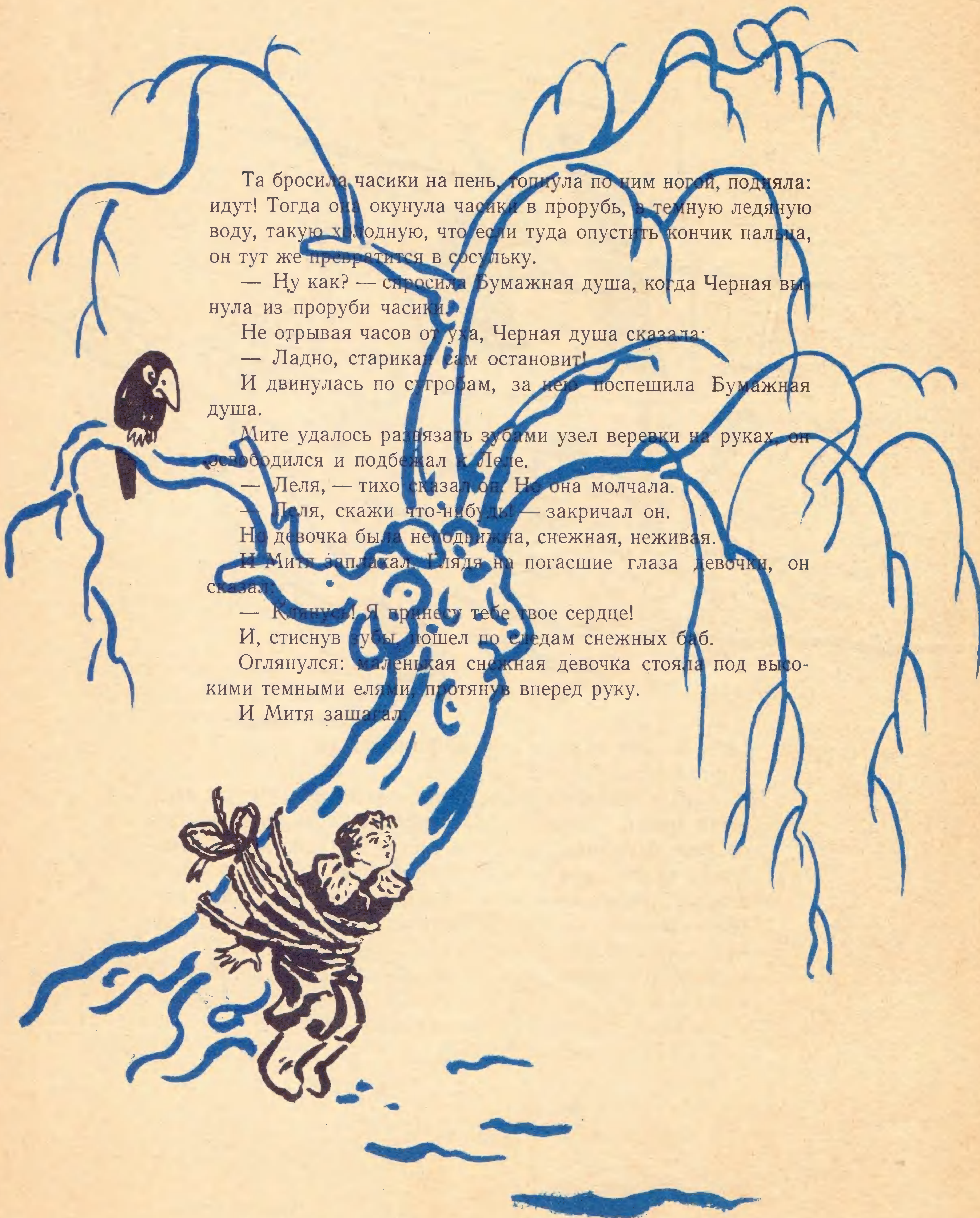
— Это все ты, — зашипела Бумажная душа. — Надо было сначала остановить сердце чернилами, как я хотела, а потом уже вынимать!

Швырнув с размаху часики об дерево, Черная душа подняла их и поднесла к уху: идут!

— Видишь, что ты натворила! — продолжала ворчать Бумажная душа, смотря злыми глазами на Черную.

Та бросила часики на пень, топнула по ним ногой, подняла: идут! Тогда она окунула часики в прорубь, в темную ледяную воду, такую холодную, что если туда опустить кончик пальца, он тут же превратится в сосульку.

— Ну как? — спросила Бумажная душа, когда Черная вынула из проруби часики.

Не отрывая часов от уха, Черная душа сказала:

— Ладно, старикан сам остановит!

И двинулась по сугробам, за нею поспешила Бумажная душа.

Мите удалось развязать зубами узел веревки на руках, он освободился и подбежал к Леле.

— Леля, — тихо сказал он. Но она молчала.

— Леля, скажи что-нибудь! — закричал он.

Но девочка была неподвижна, снежная, неживая.

И Митя заплакал. Глядя на погасшие глаза девочки, он сказал:

— Клянусь! Я принесу тебе твое сердце!

И, стиснув зубы, пошел по следам снежных баб.

Оглянувшись: маленькая снежная девочка стояла под высокими темными елями, протянув вперед руку.

И Митя зашагал.

удели телеграфные
столбы. Над шоссе ку-
рилась снежная пыль.

Бабы бежали по краю дороги. Мимо мчались машины, обда-
вая баб гарью бензина.

Увидев издали грузовик с бидонами молока, Черная душа
остановилась. Машина приближалась, грохоча бортами. Туго
надутые баллоны, серые, тяжелые, будто каменные, стреми-
тельно надвигались. Черная душа присела на корточки, при-
целилась и подбросила часики под колесо, как мальчишки под-
брасывают пистоны. Грузовик с грохотом промчался, подпрыг-
нув на часиках.

Бабы бросились к часикам. Черная душа поднесла их
к уху.

— Ну? — спросила Бумажная душа.

— Идут, — мрачно сказала Черная.

И они побежали дальше к перекрестку, перед которым на столбе торчала табличка: «В Ярославль. В Углич».

Только хотели бабы побежать по направлению «В Ярославль», как увидели Продажную душу, мчавшуюся навстречу на дамском велосипеде с сеткой на заднем колесе. Бабы попробовали вдвоем спрятаться за табличку, но Продажная душа уже орала:

— Куда? Куда? Девочки!

— В город, — невозмутимо сказала Черная душа, выйдя на обочину дороги, и показала ей часики.

— Но это жульничество! — взвизгнула Продажная душа, соскочив с велосипеда. — Я же потратилась! Я купила взамен золотые часы!

— Ну и носи их! — сказала Черная душа.

Продажная душа завопила:

— Я пожалуйу Старому году!

— Попробуй! — усмехнулась Черная душа. — А я напишу на вас обоих донос, что вы кричали: «Да здравствует Новый год!»

Бабы от этого нахальства разинули рты. А Черная душа неожиданно вскочила на велосипед Продажной и помчалась к Ярославлю, крутя педали своими ледяными ногами. Бабы завопили и погнались за ней.

Но разве можно было ее догнать! Она так пригнулась к рулю, что из ее правого глаза чуть не вывалилась картофелина. Вот почему Черная душа не заметила, как ее обдала смерзшимися комьями снега и обогнала машина, в которой ехал Митя.

Впрочем, Митя тоже не заметил бабу. Сидя в кабине самосвала, он что-то доказывал шоферу. Он уже рассказал о Леле, и о Старом годе, и о злых бабах...

Заглядывая шоферу в глаза, Митя говорил:

— ...Они хотят остановить время! Понимаете?

— Как это? — солидно спросил шофер.

— А так. Вам к которому часу в гараж?

— Ну, к пяти...

— Пяти не будет, — сказал Митя. — Сегодня будет, завтра нет.

— А когда же в гараж? — спросил шофер, посмотрев на Митю.

— Никогда, — сказал Митя. — Так и будете всегда ездить.

— Здоров врать! — сказал шофер и покрутил головой.

И Митя горестно замолчал.

идя в своей башне
с бойницами вместо
окон, где висел огром-
ный неподвижный маятник и сверху торчали зубчатые колеса
гигантского заржавленного механизма, Старый год писал
тушью на листе ватманской бумаги:

Манифест

Что есть — то есть, чего нет — не будет.
В мире ничего нового не случится.
Ничего не изменится.
Отныне 31 декабря будет
длиться вечно!

Заскрипели ступени, распахнулся люк в полу, из него выскочила Черная душа и безмолвно положила на стол перед Старым годом волшебные часики — сердце Лели. Старичок вскочил, вцепился в часики.

И вдруг наверху захрипели башенные часы, заскрежетали колеса, взлетел столб пыли. И тяжелый маятник пронесся мимо голов Старого года и Черной души, которые отпрянули пораженные.

Дрожащей рукой Старый год поднес часики к глазам:
— Да, это они.

Он знал: только одни часики в мире могли разбудить мертвый маятник башенных часов!

Черная Душа объясняла старичку, что старалась остановить эти часики и ничего не вышло, но Старый год не слышал ее. Он глубоко задумался. Через него пролетела гигантская

тень маятника, где-то каркали вороны, и в порывах ветра глухо звенел лист железа на крыше...

Вдруг наверху что-то зашипело, захрипело, загремело, заскрежетало. Черная душа тревожно подняла голову. Раздался мощный бой часов, который Ярославль не знал со времен царицы Анны Иоанновны. Над куполом взлетела туча ворон.

Вся башня гудела, как колокол. Не веря своим ушам, прохожие останавливались, задирали головы. Мастер Петушков выбежал без шапки из часовой мастерской, не понимая, что случилось.

А в башне маятник мерно летал от одной стенки к другой. На губы Старого года легла жесткая складка:

— Все равно мы их остановим! Принеси-ка мне ту бутыль.

Черная душа бросилась в угол и осторожно принесла огромную бутыль с черепом и костями на наклейке.

— Азотная кислота, — сказал Старый год и горько усмехнулся.

Боязливо Черная душа налила кислоту в старинный фарфоровый сосуд с инициалом «А», ангелочками и царской короной.

О, если бы этот сосуд мог чувствовать и говорить! Он содрогнулся бы! Легкий аромат еще сохранился в нем, еще не выветрился за целых два столетия. А сейчас... Старый год бросил часики в кислоту, раздалось шипение, из сосуда поднялось удушливое облачко. Старичок мрачно сказал:

— Мгновение, остановись!

Часики лежали словно на дне колдовского озера, от них поднимались пузырьки воздуха. Старый год и Черная душа наклонились над кислотой, их лица меняли очертания среди паров.

— Этим пользовались еще в мрачные времена Антонио Сегеди, — сказал Старый год и закрыл сосуд фарфоровой крышкой. — В этом адском растворе они исчезнут без следа!

ержа в глазу лупу, мастер Петушков склонился над столиком.

Он разглядывал дамские часики величиной с божью коровку, которые принесла чинить какая-то гражданка из Костромы. Увидев в механизме порванный волосок, мастер усмехнулся: такие волоски делал мастер Джозеф Склют, переселившийся в 1893 году из Женевы в Рио-де-Жанейро. Петушкову было приятно думать, как он скажет это гражданке из Костромы, когда та придет, и удивит ее своими познаниями.

Вдруг Петушков поднял глаза, будто его позвали. Он увидел на улице мальчика. Прижав нос к стеклу, мальчик не мигая глядел на мастера. Петушков поманил его пальцем.

И когда Митя вошел, спросил:

— Тебе кого, мальчик?

— Нет... Я ошибся... — сказал Митя, глядя во все глаза на лупу, торчавшую из глаза мастера.

— А что ты думал? — с интересом спросил Петушков. — Можешь задать мне какой хочешь вопрос и на все получишь ответ!

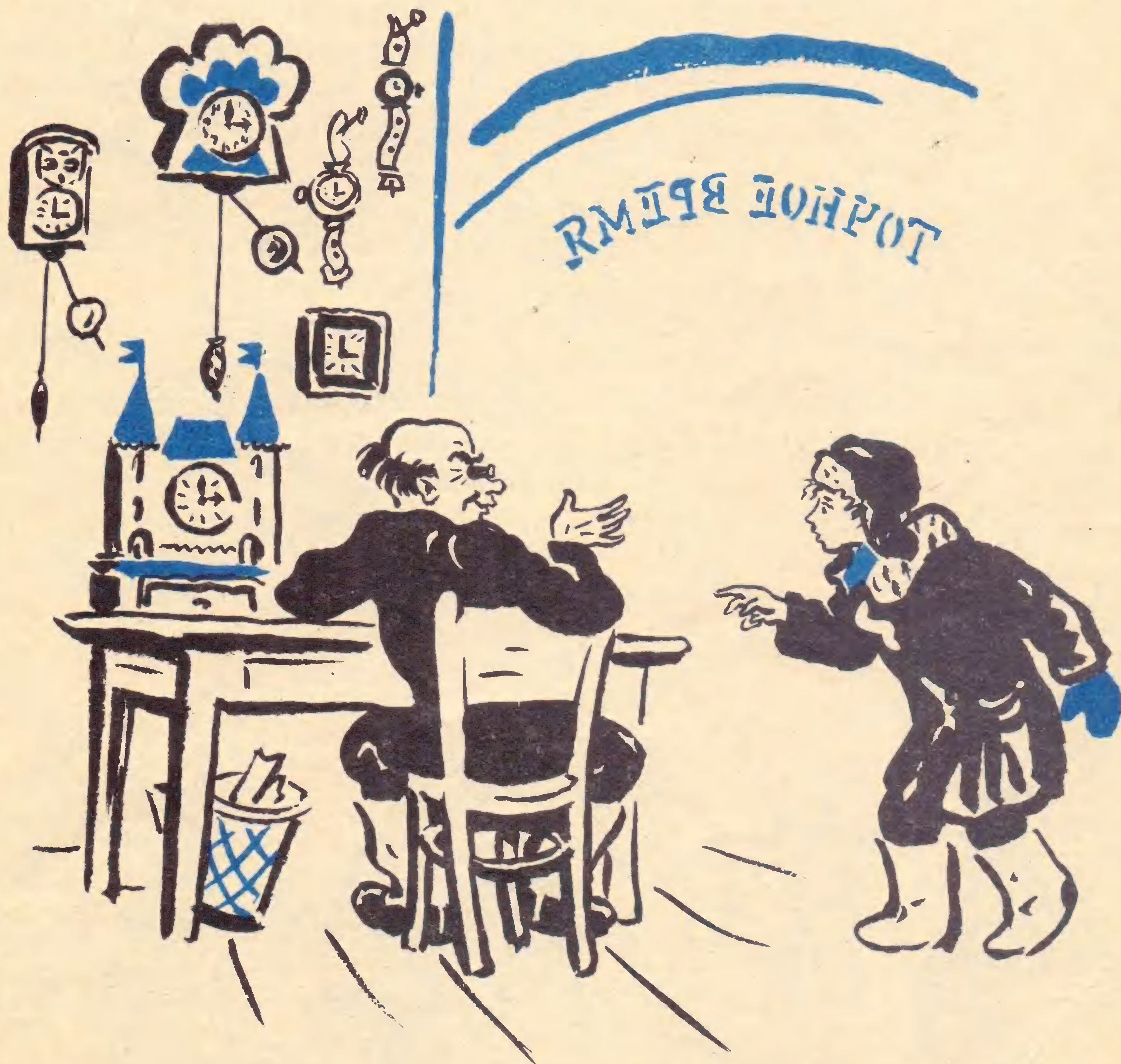
— Я ищу старичка... Старый год... Не знаете, где он живет?

Мастер улыбнулся.

— Как же я могу не знать? Старый год?.. Там же, где Новый! — и, не задумываясь, почему-то указал на детский универмаг через улицу, где зажигались и гасли буквы «Все для Нового года!». — А зачем тебе?

— Да так... — уклончиво сказал Митя. — Я ищу одни часики... Артель «Игрушка», 1-й сорт...

И Митя выбежал из мастерской. Часовой мастер вынул из глаза лупу, многозначительно сказал себе:

— Это неспроста... Маленький мальчик ищет Старый год...
На башне бьют куранты... Время останавливается...

Он поднял палец вверх и задумался. Он знал все! Но с тех пор, как часы сошли с ума, он понял, что есть на свете тайна, на которую он не смог бы ответить ни себе, ни своим друзьям, ни той самой гражданке из Костромы, если бы она ни с того ни с сего его об этом спросила.

А Митя уже вбежал в вертящиеся двери универмага. Магазин сверкал и гремел. На прилавке стояла елка, на ней висели цветные фонарики, балерины, грибы, стрекозы, почтовые ящички, золотые бумажные рыбы, куколки и жуки, хлопущие и звезды, флажки всех стран и флотов мира. Со всех сторон неслись звуки патефонных пластинок, кричали «уйди-уйди», звенели бубенчики, верещали свистульки. Кассы так шелкали и рычали, что удивительно, как их не боялись кассирши.

Митя пробирался среди всего этого гама, шума, писка, звона и толкотни. Над ним качались воздушные шары и фонарики.

Какой-то толстяк в енотовой шубе бил молоточком по детскому ксилофону, но ничего не было слышно, потому что только что кончился «золотой дождь» и покупательницы кричали, будет он еще или не будет.

Митя подошел к толстяку:

— Скажите, пожалуйста...

Но его тут же оттерли, и он чуть не опрокинул какого-то маленького мальчика. Этот мальчик держал в руках розовую бумажную гармошку, которая только что порвалась в его руках, и плакал. Его утешала мама. Она прикладывала себе к лицу маски: то ведьму, то поросенка, то трубочиста.

— Хочешь, Мишенька? — спрашивала она.

Но мальчик пугался еще сильнее и ревел.

— Тетя, — спросил Митя у нее. — Вы не знаете, где найти Старый год?

Женщина махнула на него рукой и надела на себя маску тигра.

Через магазин со страдальческим выражением лица пробиралась продавщица, у которой на голове стоял ящик с серпантином и конфетти. Митя подпрыгнул и крикнул ей в ухо:

— Где найти Старый год?

Она повернулась вместе с ящиком и указала головой в угол зала.

Митя побежал мимо тортов (на них кремом было написано: «С Новым годом!»), мимо игрушечных саней и сервизных чашек (к ним были привязаны целлулоидные мешочки с драже), мимо новогодних наборов с бонбоньерками, перевязанными бумажными бантами.

В углу Митя увидел не меньше сотни дедов-морозов — от самых маленьких до самых больших. У них были мешки за плечами, они опирались на посохи, у всех блестели слюдой бороды.

Митя нырнул в толпу. И вынырнул у прилавка.

— Тетя!.. Тетя!.. Тетя!.. — кричал он продавщице, но она снимала красно-синие мячики с верхней полки и не обращала внимания.

— Тетя! — заорал Митя не своим голосом.

— Ну, что тебе?

— Мне нужен Старый год! Там сказали, вы знаете...

— Что?

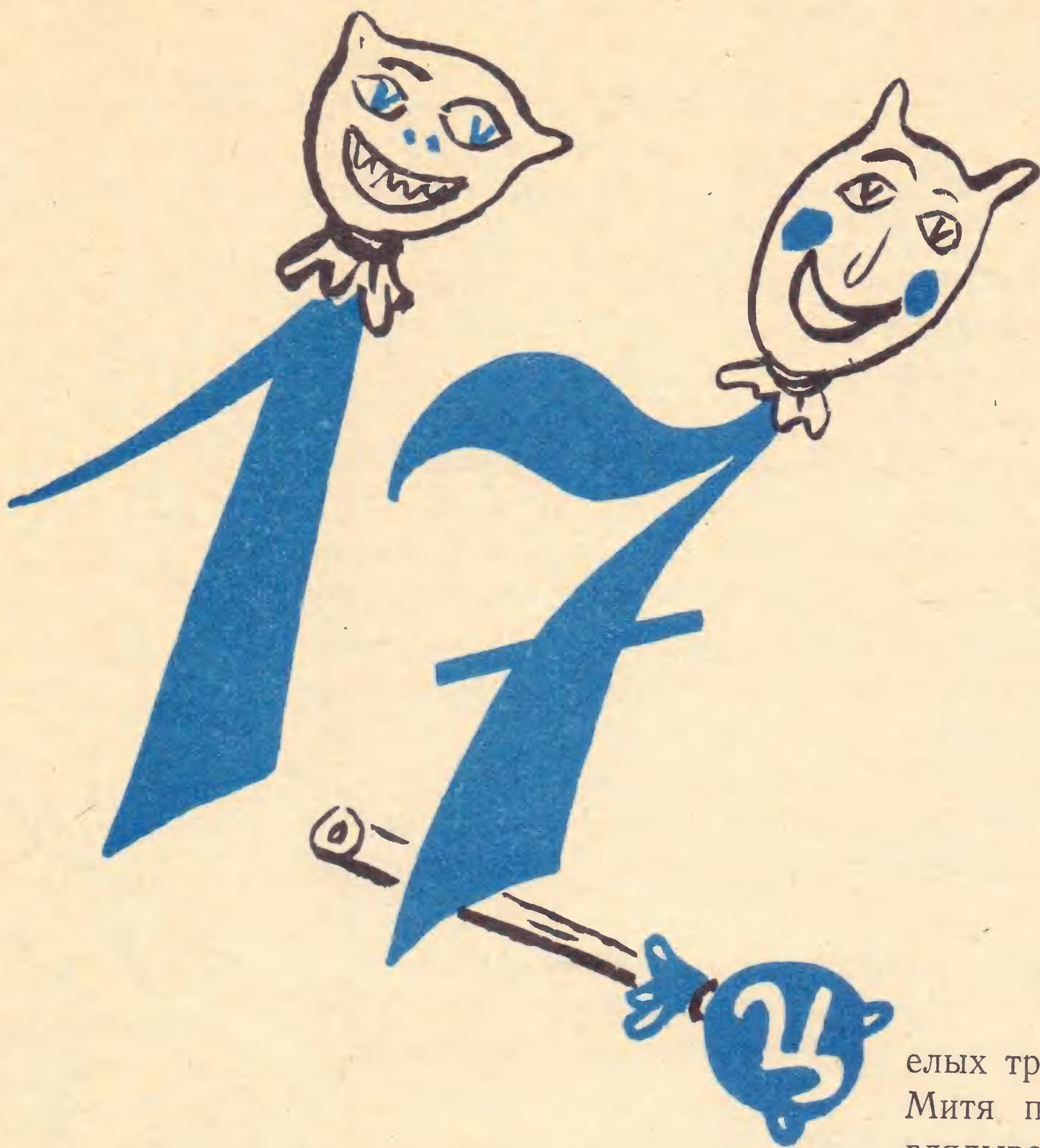
— Старый год! Он, наверно, где-то здесь...

— Три двадцать, — сказала продавщица, наконец поняв, в чем дело. И сунула ему маленького деда-мороза.

— Мне не этого! — проворчал Митя. — Настоящего! — вернул ей деда-мороза и вышел на улицу.

елых три часа бродил
Митя по городу, за-
глядывая куда попа-

ло. Он побывал у стен древнего Ярославского кремля и у речки Которосли, где городские мальчишки катались на коньках, и сунул свой нос даже в планетарий. Но Старого года нигде не было.

На город уже опустились сумерки, в сером зимнем вечере зажглись огни праздничных витрин, над парадными замерцали лампочки, закрытые сетками, словно намордниками. Засветились на перекрестках электрические часы, стрелки на них то и дело подскакивали еще дальшѐ, еще ближе к концу года. Вокруг продолжалась праздничная суматоха.

Митя остановился перед милиционером-регулирующим, сидевшим в стеклянной будке, и уже открыл рот, чтобы спросить его, где Старый год, как вдруг увидел фигуры двух снежных баб — Продажной и Бумажной.

— Они, — прошептал Митя и, крадучись, пошел за ними. Бабы спешили к Знаменским воротам, над которыми в вечернем небе вырисовывались зубцы древней башни.

Возле самой башни на тротуаре валялись кучи снега, сброшенного с крыши. Его сгребал лопатой дворник-татарин и швырял в машину-снегоотпуг, в которой горел огонь, а с другой стороны вытекала грязная вода, исчезая в решетке люка.

— Что это? — спросила со страхом одна снежная баба другую.

— Тсс... Только не показывай, что боишься.

И они юркнули под каменные своды ворот, оклеенных пестрыми новогодними афишами о елках и кукольных представлениях. Митя увидел, как бабы исчезли в низенькой незаметной двери, и нырнул за ними.

Они шагали по крутым каменным ступеням темной винтовой лестницы, окутанной ядовитой сыростью. Дыхание баб от пустоты лестницы сделалось громовым.

Задрав голову, Митя почти не дыша крался за ними. Вдруг раздались проклятия и грохот: это Продажная душа налетела

в темноте на дамский велосипед, он упал на баб, и они с визгом покатались вниз, чуть не свалившись на Митю, который едва успел спрятаться за выступ.

Ощупав сначала себя, потом велосипед, бабы встали.

— Мой велосипед! — взвизгнула Продажная душа. — Значит, Черная тут!

И, поставив велосипед на заднее колесо, прислонив его к стенке, бабы ринулись наверх. Митя — за ними. Обе сразу — своими двумя головами — бабы подняли люк и, увидев старичка, начали кричать:

— Она нас надула!.. Украла сердце!..

Они влезли в башню. Продажная душа орала:

— Видала воровок! Сама воровка! Но таких!..

Бумажная душа визжала:

— Я ей покажу! Я про нее напишу волшебными чернилами...

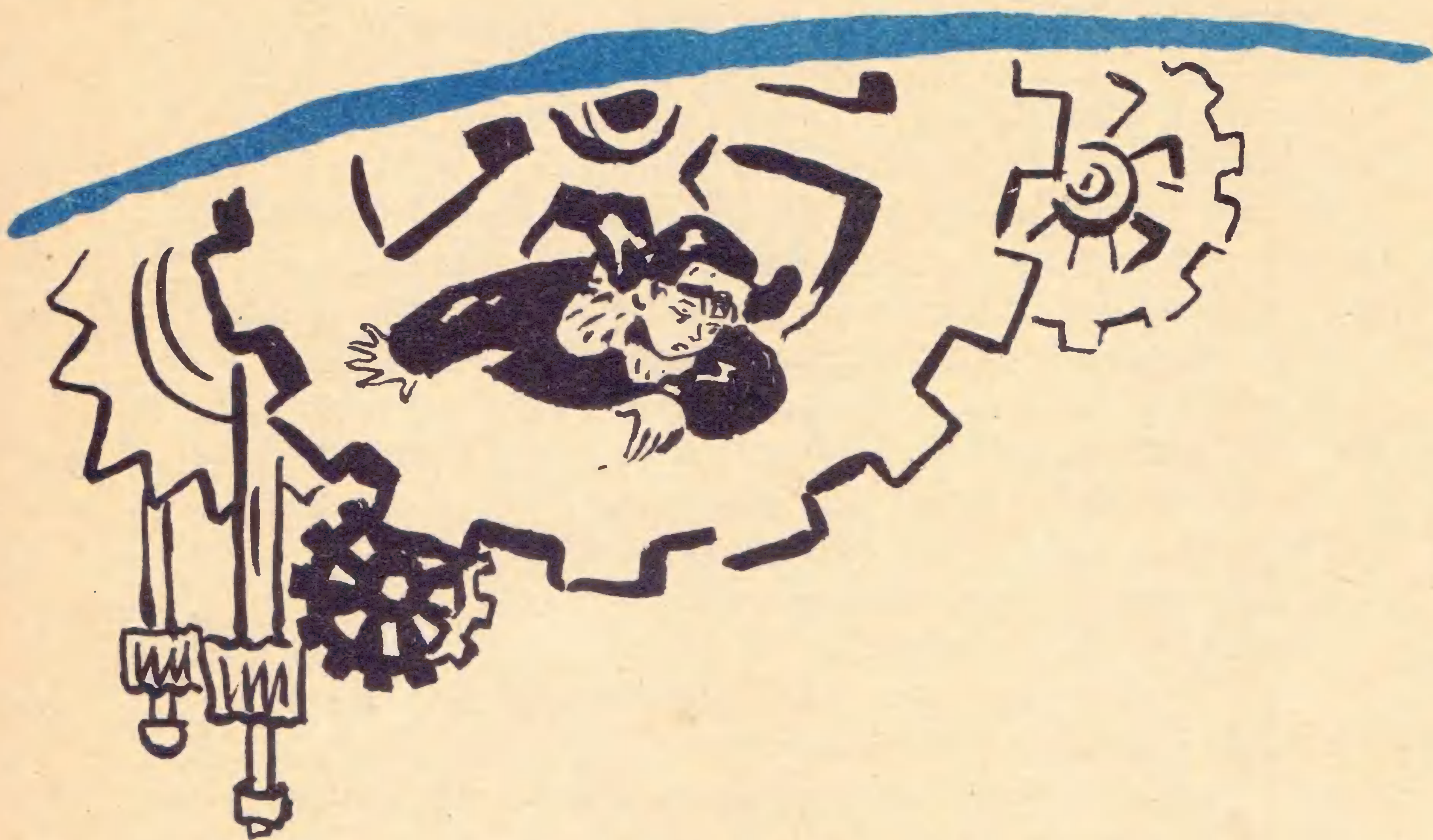
Митя слышал это сквозь щель люка. Но люк захлопнулся, и, хотя вопли и крики продолжались, мальчик уже не разбирал слов. Он остался один на темной лестнице. Мите стало страшно. Ему захотелось домой к маме! Но Митя был храбрый мальчик. К тому же рядом с люком, чуть в стороне, он заметил совсем маленькую чугунную дверь, закрытую снаружи заржавленной задвижкой. А когда настоящие мальчики видят заржавленные задвижки, они непременно их открывают, чтобы узнать, что там.

Обеими руками Митя уцепился за задвижку и, налегая всем телом, открыл. Потом толкнул дверцу. Оказалось: еще выше вела совсем крутая, похожая на штопор, чугунная винтовая лестница. И откуда-то сверху слышалось мерное и хриплое дыхание какого-то чудовища. Митя собрался бежать, но вспомнил о Леле и о ее сердце и полез наверх.

Он увидел перед собой огромные зубчатые колеса, некоторые двигались, а некоторые как будто стояли. Стало ясно: это хрипело не чудовище, а старинные башенные часы! Сквозь их громовое тиканье Митя опять услышал вопли снежных баб.

Мальчик осторожно пошел по колесам, стараясь не попадать на зубцы. Потом лег на самое толстое и самое неподвижное колесо и, обхватив его обеими руками, просунул голову

вниз. Он увидел сверху картину, которую маятник то открывал, то закрывал.

Продажная душа и Бумажная душа кричали что-то невообразимое, захлебываясь в угрозах и жалобах. Наконец Старый год ударил рукой по столу, и все стихло.

— Черная душа, — спросил он, — чего они хотят?

Черная душа коварно улыбнулась:

— Они...

Но Бумажная и Продажная души испуганно заорали:

— Это не мы, это она сказала: «Да здравствует Новый год».

Старичок не расслышал:

— Да здравствует кто?!

Продажная и Бумажная души отступили, пытаясь спрятаться друг за друга, пока не ударились об стенку.

— Сами видите, с кем имеете дело, — сказала Черная душа.

— Вижу, — саркастически сказал Старый год. — Противно на вас всех смотреть...

Он снял с сосуда фарфоровую крышку. И Митя ахнул, увидев сердце Лели в какой-то жидкости.

Бумажная и Продажная души вытянули головы и тоже заглянули в сосуд, где лежали часики.

Полюбовавшись, старичок опять прикрыл сосуд фарфоровой крышкой и стал рассказывать бабам:

— Эти часики тысячу лет назад сделал Антонио Сегеди. Он делал их всю жизнь! Днем Антонио Сегеди был инквизитором и пытал поэтов, алхимиков и часовых дел мастеров. А по ночам, запершись в башне, Антонио выращивал белые лилии и делал вечные часы на семи философских камнях — вот эти самые! А чтобы не попасть за свои часы на костер инквизиции, он написал на них: «Артель «Игрушка», 1-й сорт».

Продажная душа мечтательно вздохнула:

— Эх, если бы такие часы продать...

Старый год мрачно взглянул на нее:

— Да-а... Если бы твоя воля, ты бы распродала все на свете! Даже звезды в небе. Даже муравьев по штуке.

— Будьте спокойны, — самодовольно сказала Продажная душа. — Муравьев я бы дешево не отдала. У них спирт.

— Замолчи! — сказал Старый год.

Он уселся и удовлетворенно вздохнул:

— Да-а, сегодня, 31 декабря, эти часы исчезнут из мира и время остановится. Обсудим, какой будет мир, в котором время стоит. Ваши предложения?

Митя увидел, как Бумажная душа подняла руку:

— Можно мне?

Она встала и, мерно стуча карандашом по столу, начала:

— Предлагаю: а) уничтожить все календари на новый год, б) отпечатать 31 декабря 365 раз, чтобы когда отрывают листок календаря, всегда было 31-е, в) образовать комиссию по ликвидации слов: «час, сейчас, тотчас, подчас», а также выражений: «который час», «не ровен час», «стоять на часах», «не по дням, а по часам», «час от часу не легче», «калиф на час», «в добрый час», «без году неделя» и тому подобных...

Старый год удовлетворенно кивнул.

Бумажная душа льстиво сказала:

— Начинается золотой век!

— Какой век! — крикнул Старый год. — Никакого века!

— Ах да, раз года не будет, то не будет и века, — сказала Бумажная душа. — Я позабыла.

— Странная забывчивость! — сказала Черная душа и многозначительно посмотрела на старичка.

Старый год продолжал:

— Ни века, ни года, ни месяца, ни дня, ни часа, ни минуты, ни секунды!..

Глядя сверху, Митя зевал. Ему было скучно, и, кроме того, он отсидел ногу. Митя переменил ногу и, потеряв терпение, спросил:

— А как же исправить двойку в четверти?

Внизу воцарилось молчание. Все поглядели друг на друга.

— Кто сказал «двойка в четверти»? — спросил Старый год.

Бабы оторопело молчали.

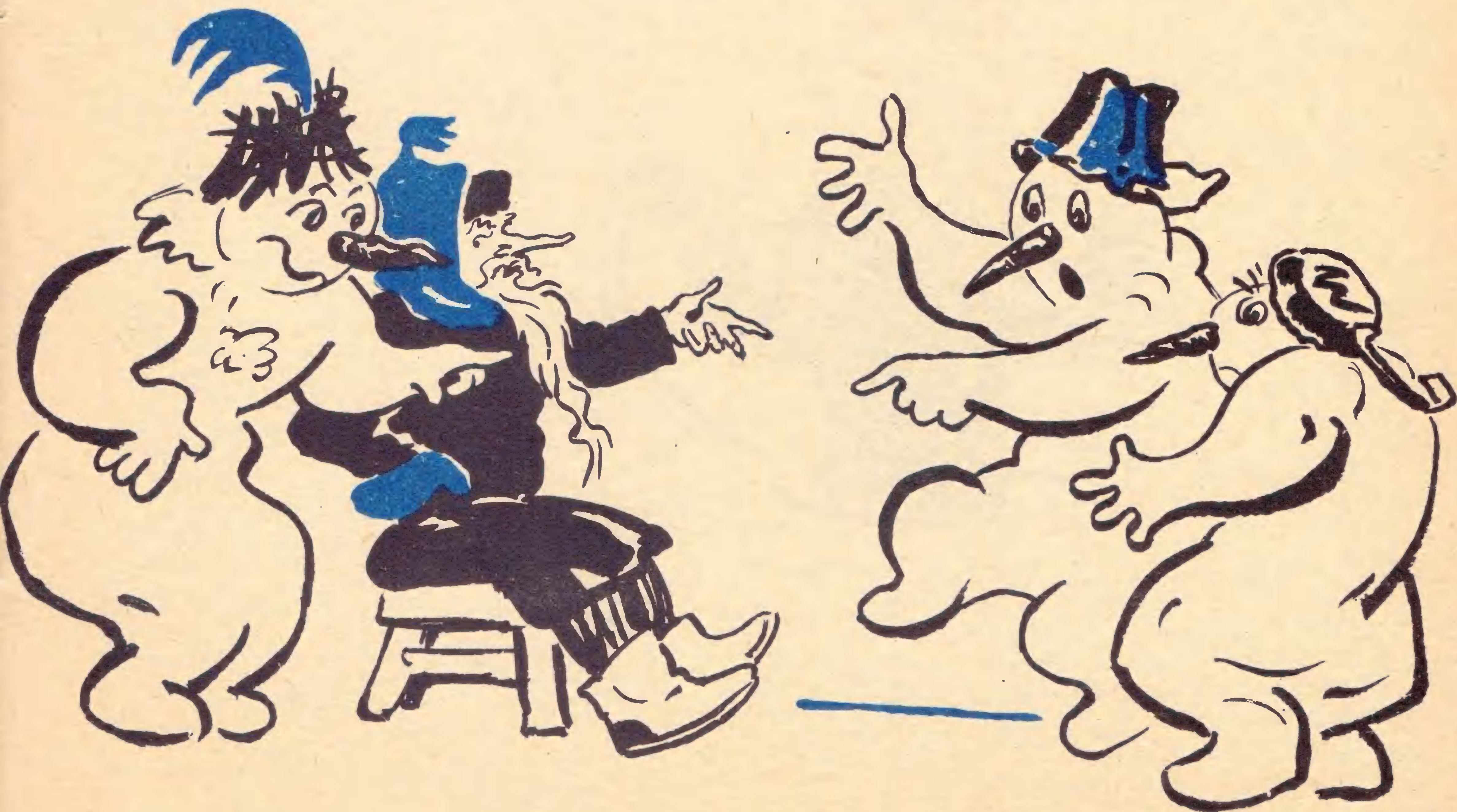
Старичок сказал:

— На всякий случай разъясняю: двойка в четверти останется навсегда!

Черная душа захихикала, потирая руки:

— Значит, школьники останутся на второй год?

— Сколько раз вам повторять! — закричал старичок. — Никакого второго года не будет! Ни второго, ни третьего, ни сто двадцать третьего!

Со злостью он открыл фарфоровую крышку и, отвернув лицо, начал сливать в угол башни на старый мраморный пол адскую жидкость. И пол зашипел, бурый дым взлетел тучей, так что бабы шарахнулись и зачихали; но они не сказали друг другу «будьте здоровы» — вот какие они были злые! А мраморный пол в углу башни покособился, пошел пузырями и стал похож не на мрамор, а на ржавое решето.

Когда дым рассеялся, Митя, свесив голову с потолка, увидел, как бабы нагнулись над часиками, чуть не столкнувшись ледяными лбами. Часы шли.

— Идут, будь они прокляты! — простонал Старый год. — Но я знаю, что делать. Есть один часовой мастер...

Обтерев часики газетой, старичок завернул их в платок: «Ждать меня тут!» — открыл люк и скрылся.

Увидев на лестнице, что чугунная дверца открыта, Старый год мимоходом запер ее на задвижку и стал спускаться дальше.

В это время Митя между колес башенных часов ползком пробирался к той же дверце. Он скатился по чугунной лестнице вниз, упираясь ладонями в промерзшие стены, и толкнул чугунную дверцу. Она обжигала холодом пальцы, но не поддавалась. Митя понял: закрыта снаружи! Он попробовал ее сломать, тряс, дул на пальцы и снова тряс: ничего не вышло. Тогда Митя в отчаянии опять полез наверх.

И

ща разгадку мучив-
шей его тайны, мастер
Петушков читал энци-

клопедию. Он начал читать ее с конца, чтобы скорее добраться до сути, и уже дошел до слова «Юпитер» — планета солнечной системы, бог в древнем Риме и осветительный прибор на киностудии, когда в часовой мастерской задумчиво забили большие часы, им ответили поменьше — со всех стен и из всех углов, перекликаясь тоненькими, шипящими, хриплыми и звонкими голосами. И едва на всех часах замер самый последний — девятый удар, в мастерскую вошел старичок в пыжиковой ушанке, замотанной башлыком, и в шубе.

Отряхнувшись от снега, он подошел к мастеру и положил перед ним часики. Не глядя, мастер взял их и стал слушать. Они шли, звонко чеканя мгновения.

- Спешат! — определил мастер.
- Нет.
- Отстают?!
- Нет.

— Ага, вы хотите сменить циферблат, — догадался мастер.
— Нет.

Петушков рассердился:

— Вы пришли их чинить?

— Нет, остановить, — сказал старичок.

Петушков поднял глаза на клиента и узнал хозяина башни. Мастер пристально посмотрел на него: старичок не шутил! Тогда Петушков опять опустил глаза на часы и начал рассматривать их через лупу. «Артель «Игрушка», 1-й сорт», — прочел он и обмер, почувствовав, что находится на волосок от какой-то ужасной тайны.

Клиент сказал доверительно:

— Я пробовал их остановить сам. Я опускал их даже в азотную кислоту. Но они не останавливаются.

Мастер еще раз посмотрел на клиента и, стараясь сохранить спокойный вид, сказал:

— Хорошо, я их остановлю. Приходите второго января, после праздника.

— Поздно, — сказал клиент. — Их надо остановить сегодня. Я не могу ждать.

Не решаясь поднять глаза на клиента, Петушков вынул квитанцию, на которой было написано: «Артель «Точное время».

— Фамилия? — спросил он.

— Не имеет значения, — сказал старичок.

Петушков помолчал. Потом дрожащей рукой оторвал квитанцию, сказал:

— Семь рублей шестьдесят копеек!

Старичок заплатил, аккуратно сложил квитанцию, спрятал ее и вышел.

Мастер вскочил, подбежал к окну, заставленному часами.

Шли прохожие, падал снег большими хлопьями. Старичок переходил улицу, не торопясь, не обращая внимания на машины, которые, чуть не налетев на него, с визгом тормозили.

И Петушков вспомнил про мальчишку: он спрашивал как раз об этих часиках. Мало того, он искал старичка, которого называл «Старый год». «Неужели, — подумал мастер, — этот старичок и есть Старый год!» Первый раз в жизни часовой ма-

стер Петушков так близко прикоснулся к тайне идущего времени!

«Надо найти мальчишку», — нервно подумал мастер и повернулся к прилавку.

Он открыл игрушечные часы, вставил в глаз лупу и от изумления оцепенел. Он увидел то, чего не видал никогда ни один мастер на свете: часовой механизм на семи философских камнях!

идя на огромном зубчатом колесе, Митя смотрел вниз. Он ви-

дел, как Черная душа дружелюбно протянула руку Продажной и Бумажной.

— Ну, виновата... — сказала она. — Ну, мир... Ну, с кем не бывает...

— С нами не было, — проворчала Бумажная душа.

Продажная подхватила:

— Я понимаю — недоплатить, взять втрое дороже, но чтобы такую подлость...

Черная душа оглядела быстрым взглядом углы и поманила баб пальцем. Бабы недоверчиво приблизились.

— Девочки, — сказала Черная душа проникновенно. — Наш старикан выжил из ума. Но без него нам будет худо: придет весна, и солнце нас — хлюп, хлюп! — Она игриво ткну-

ла в бок Бумажную душу, которая чопорно отодвинулась. — И потом — наш старикан слишком жалостливый. С таким пропадешь. Поэтому предлагаю: как только старикан остановит время, запрем его в эту развалину и будем сами править миром от его имени!

Митя слушал, боясь пропустить слово, и нечаянно уронил варезку. Варезка мазнула по носу Черную душу, бабы отскочили. А Митя спрятался ни жив ни мертв.

Бабы посмотрели друг на друга, потом наверх.

— Там кто-то сидит, — прошептала Бумажная душа.

Они помолчали.

— Кому там сидеть, — сказала Черная душа. — Наверно, свалилась из вороньего гнезда.

Продажная душа кивнула:

— Все вороны — воровки. Как-то раз они стащили у меня губную помаду.

И бабы успокоились.

— Значит, мир? — спросила Черная душа.

— Мир, — ответили бабы и подали ей руки.

— Сейчас бы музыку! — сказала сентиментально Черная душа. — Так все хорошо!

— Есть музыка, — сказала Продажная душа.

Она вынула золотые часы, завела и положила на стол. Часы заиграли старинную кадрили. Слегка подтанцовывая, Черная душа подошла к низкому оконному проему и выглянула на улицу.

Ярко горели уличные фонари, прохожие спешили под мягкими хлопьями снега. Поднимался легкий дымок над снеготопкой внизу. А через площадь шел к башне Старый год.

— Девочки! — закричала Черная душа. — Поглядите на старикана!

Бумажная и Продажная души подошли к ней, она обняла их за плечи, и все трое они нагнулись над улицей.

— Какая замечательная вещь — дружба! — взволнованно сказала Черная душа и вдруг резким движением столкнула обеих баб на улицу. Митя с ужасом отшатнулся в глубь механизма.

Старый год как раз подходил к тротуару, когда ему на голову свалились два сугроба снега, развалившись на куски, обдав его с ног до головы снежной пылью.

— Э-эй! — закричал дворник-татарин, грозя метлой кому-то на крыше.

Старый год проворчал:

— Сбрасываете снег с крыш — надо предупреждать!

Тут он увидел в снежной пыли сердца своих баб — обрывок старинного заявления с сургучной печатью и копейку, подобрал их, мрачно сунул в карман и ускорил шаг.

А дворник широкой деревянной лопатой стал сгребать упавший снег и швырять в снеготопку.

Услышав шаги старичка, Черная душа схватила со стола золотые часы с музыкой, спрятала в карман и приняла самый невинный вид, какой только можно при картофельных глазах и морковном носе.

Старый год вылез из люка. Безмолвно он протянул на ладони обрывок старинного заявления, монетку и посмотрел бабе в глаза.

— Измена, — сказала Черная душа, не опуская глаз. — Они хотели тебя убить.

Митя никогда в жизни не слышал еще такой лжи. Он скатился с большого колеса на маленькое. Раздался треск, и часы остановились. Остановились громадные башенные часы! Наступила мертвая тишина.

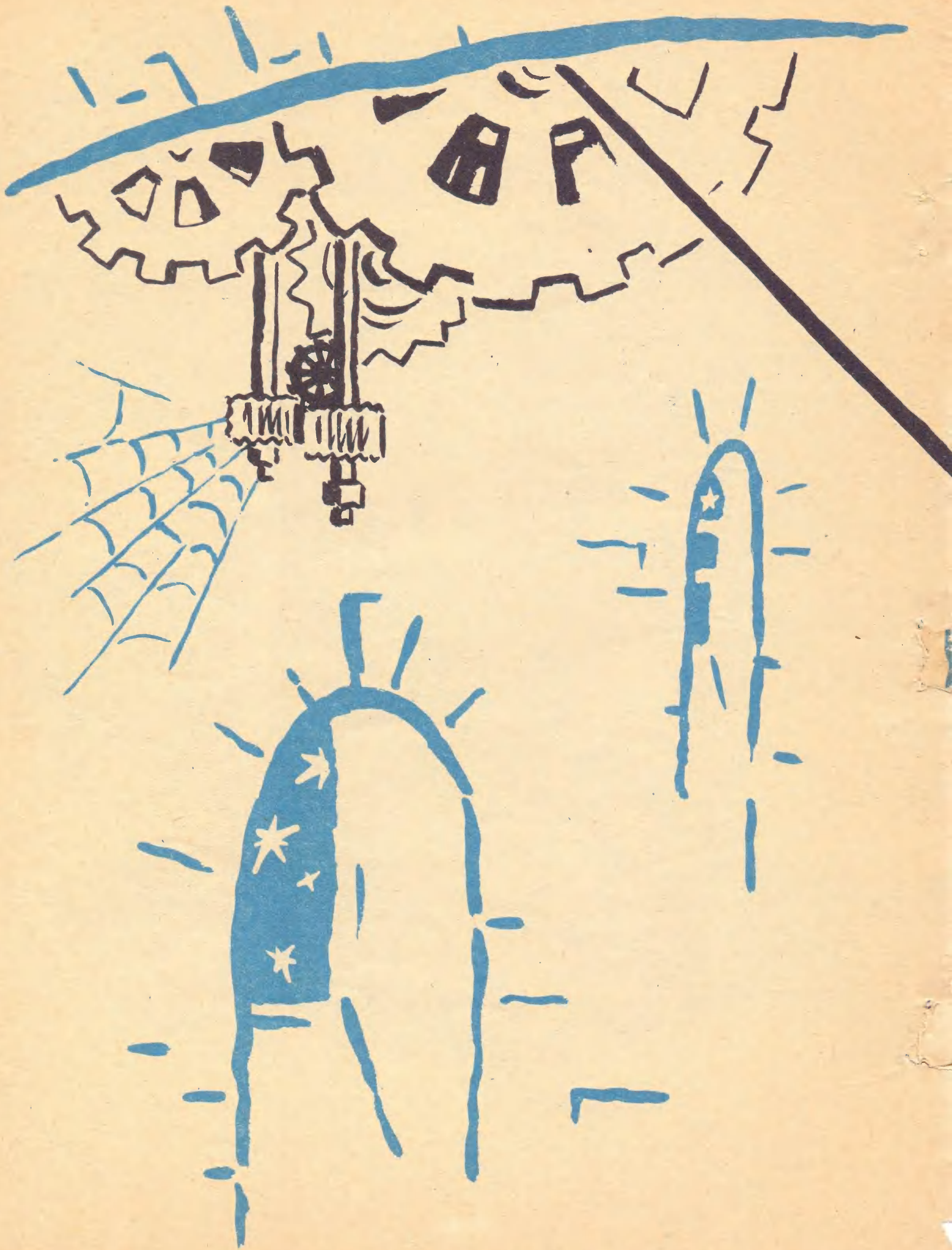
Позабыв обо всем, Старый год бросил сердца своих баб.

— Кажется, остановилось время, — прошептал он.

— Неужели? — ахнула Черная душа.

— Остановилось! — сказал Старый год и со слезами на глазах обнялся с Черной душой.

Маятник качался все медленней, потому что Митин валенок застрял между колесами. Но Старый год этого не знал.

— Молодец мастер, — сказал он, когда маятник совсем замер. — Он достойный наследник Антонио Сегеди. Я назначу его главным хранителем Мертвых маятников!

Черная душа была практичней Старого года, она напомнила:

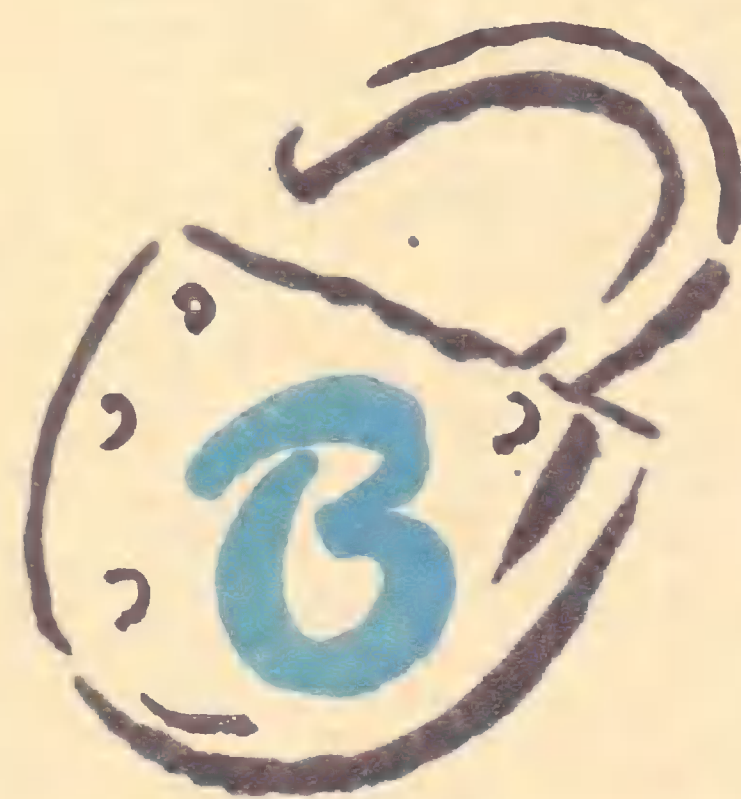
— Пока все-таки надо забрать у мастера часики. А то мало ли...

Старичок кивнул и вместе с Черной душой исчез в люке.

Митя рванулся за ними. Не тут-то было! Зубчатое колесо крепко вцепилось в валенок. Митя вынул из валенка ногу и изо всех сил начал тащить свой валенок из-под зубцов. Вырвав несколько кусков войлока, башенные часы, наконец, отпустили валенок и пошли. Тогда Митя по качающемуся маятнику скатился в башню и нырнул в люк.

ыбежав на улицу, Митя сразу увидел старичка и Черную душу.

Они бежали к часовой мастерской, возле которой стоял мастер, вешая на дверь замок.

Мастер тоже заметил подбегающего старичка, а за ним какую-то странную фигуру и пустился бежать.

— Стой! Стой! — закричал старичок и кинулся следом.

Митя помчался за ними. Пробегая мимо мастерской, он заметил объявление: «Мастерская закрыта до 2 января».

— Стой! — заорала Черная душа.

Митя неся позади, поправляя на ходу порванный валенок. Вдруг гулко ударили башенные часы. Старый год и Черная душа остановились, посмотрели изумленно вверх. И кинулись за мастером еще быстрее.

Но Петушков знал, куда бежал. Он юркнул в детский уни-

вермаг и скрылся в праздничной толпе. Покупатели с удивлением оглядывались, когда какой-то старичок и толстая ряженая дама, толкаясь, влетели в универмаг, а за ними — маленький мальчик.

Митю опять оглушили звуки патефонов, вокруг вопили «уйди-уйди», звенели бубенчики, верещали свистульки. Магазин сверкал и гремел. Подскакивая, мальчик следил за Старым годом. Он видел, как старичок и баба заглядывали во все углы. Баба промчалась мимо елки, толкнув ее, и на нее упал «серебряный дождь».

А Старый год, лихорадочно заглядывая в лица всем мужчинам, бежал быстрее, быстрее. И вдруг остановился, схватившись рукой за грудь, и облокотился о прилавок. У него звенело в ушах, в глазах плавали радужные круги, в бороде запуталось конфетти.

— Что вы стоите?! — шипела Черная душа. — Он уйдет, и все пропало!

Старый год стоял, странно улыбаясь. Он слышал обрывки разговоров:

— ...Для меня старый год был неплох, особенно к концу, — сказал какой-то толстяк.

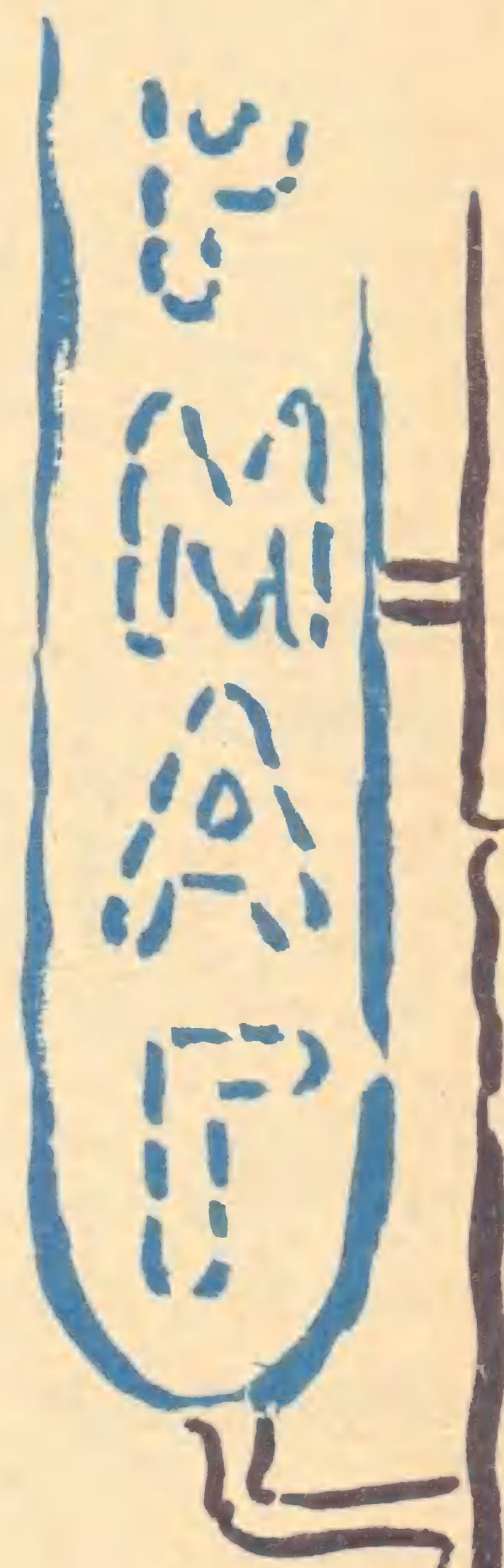
— ...Я никогда не забуду этот год, — тихо сказал молодой человек девушке в фиолетовой шапочке. — В этом году я тебя встретил...

Черная душа бесновалась:

— Он уйдет, и все будет кончено! Остались считанные часы!

Старый год двинулся, прошел в толкотне несколько шагов и опять остановился.

Митя следил за ними. Когда Черная душа повернулась в его сторону, мальчик попятился и налетел на часового мастера, который притаился за елкой. Оба испугались.

— Ай! — вскрикнул Петушков.

Митя прошептал:

— Это вы?!

— Ты ищешь часы, — сказал Петушков. — Вот они... «Артель «Игрушка», 1-й сорт»!

И сунул Мите часики:

— Беги!

Мастер уже знал все, что случилось. Ведь он целых пять минут рассматривал в часиках философские камни. А стоит посмотреть на них, и уже все знаешь — что было и что будет. Потому-то эти камни и называют не как-нибудь, а философскими! Так что удивляться нечего.

Зажав часики в кулаке, Митя нырнул в толпу. И выскочил вон из универмага.

А Старый год все еще стоял у прилавка. Какой-то гражданин в высокой боярской шапке шел мимо него животом вперед, прижимая к себе портфель, из которого торчало не меньше шестнадцати бутылок.

— Скорей! — крикнул он приятелю, который через плечи толпы спрашивал у продавщицы, не кончились ли хлопушки. — Ну, скорей же!

— Чего ты спешишь? — обернулся тот. — До Нового года еще вагон времени.

— Пока будут зажигать елку и всякое такое, нам надо успеть проводить старый год, — подмигнул человек в боярской шапке. — Чтоб старик на нас не обижался...

Старый год грустно улыбнулся. Около него появилась Черная душа.

— Нигде нет!

Она задыхалась.

Старый год побарабанил пальцами по прилавку, взял в руки калейдоскоп, который только что рассматривали другие, и поднес к глазу. Волшебные разноцветные сочетания загорелись в трубке: целое мироздание желтых, зеленых, синих, оранжевых, красных огней. Они никогда не повторялись, и это чем-то было похоже на звездное небо из какой-то таинственной и еще не сочиненной сказки.

— Целый год живу, — восторженно сказал Старый год, — а не знал, что есть на свете такая прекрасная вещь!

— Что вы делаете?! — в отчаянии закричала Черная душа. — Мы же пропадаем!

Старый год меланхолически опустил калейдоскоп:

— Я останусь здесь до закрытия магазина.

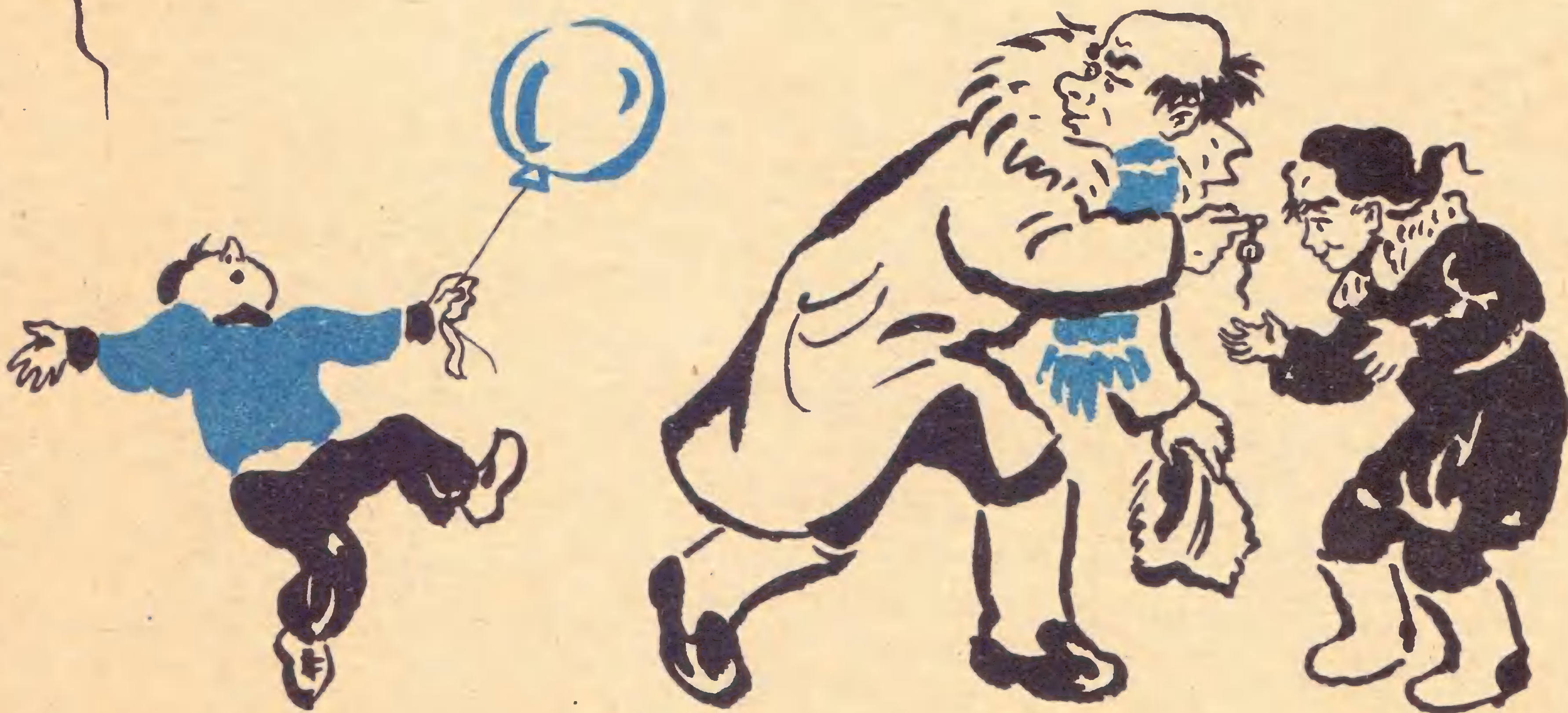
— А потом?! — взвизгнула Черная душа.

— А потом все равно, — сказал Старый год и поднес калейдоскоп к глазам.

Черная душа плюнула:

— Ну и пропадай!

И помчалась к выходу. А Старый год смотрел в калейдоскоп, радовался разноцветной игре стеклышек и думал о течении времени.

ы не станем рассказы-
вать, как Митя нашел
у Щучьего озера Ле-

лю, занесенную снегом, и как он вложил в ее грудь часики, которые всю дорогу бережно нес, зажав в окоченевшей руке. Расскажем только, что когда снежное лицо Лели потеплело и девочка открыла синие глаза и мечтательно улыбнулась, она прошептала: «Я знала, что ты придешь», — так нежно, что Митя будет помнить всю жизнь.

И все же Мите и Леле в этот день еще раз пришлось встретиться с Черной душой. Дело было так.

Когда они прибежали в школу, играла такая веселая музыка, что нельзя было устоять на месте. Взявшись за руки, школьники мчались вокруг елки. Митя и Леся вошли в хоровод, и все стало кружиться: и голова, и елка, и стеклянные шкафы с бабочками и лягушками...

Не кружился только Дед Мороз, очень похожий на дядю Васю. Он то и дело поглядывал на школьные часы: стрелка подходила к двенадцати...

Тут-то в дверях и появилась Черная душа, улыбаясь во весь рот. Никто ее не заметил. Стоя у шкафа с наглядными пособиями «Змеи и ящерицы», Черная душа вынула золотые часы в форме сердца: на них было без одной минуты двенадцать. И на школьных часах было без одной минуты двенадцать.

Дед Мороз воткнул вилку в штепсель. Елка вспыхнула тысячами огней, от игрушек забили маленькие молнии, загорелись бенгальские огни. И раздался первый удар часов, воз-

вещающий рождение нового года. А за ним — еще одиннадцать таких же медленных и торжественных ударов.

— С Новым годом, ребята! — басом сказал Дед Мороз.

— Ура-а!.. — закричали школьники.

Черная душа подошла к елке:

— Да здравствует Новый год! — сказала она. — Поздравляю вас, деточки!

Но, увидев Митю и Лелю, Черная душа шагнула назад, ступала и побежала к выходу. Дети удивленно глядели ей вслед.

— Чья это мама? — спросила Зоя.

— Это не мама, — сказал Митя.

— Черная душа... — прошептала Леля.

Митя подошел к Деду Морозу и сказал ему на ухо:

— Это была Черная душа... Она убежала!

— Не бойся, — сказал дядя Вася. — Она долго не проживет. Придет весна, и она растает.

По знаку дяди Васи Саша Тимошкин пустил на радиоле вальс «Снежинка» и, как самый длинный, стал швырять ленты серпантина и конфетти.

Стараясь не наступать валенками на туфельки Лели, Митя кружился в вальсе и пытел. Вдруг в разгар веселья Леля тихо сказала:

— Мне пора.

— Куда? — всполошился Митя.

Леля пошла к выходу, Митя за ней. Он нашел ее белую шубку среди наваленной одежды. И они вышли на улицу, где горели звезды.

Перед крыльцом стоял маленький серебряный самолет с косыми крыльями.

— Сказка кончилась, — грустно сказала Леля. — И я уезжаю.

— Куда?

— В хрустальный дворец.

— И мы никогда не увидимся? — спросил Митя в отчаянии.

Леля подошла к самолету, на хвосте которого висела связка бубенцов, оторвала один бубенчик и протянула Мите:

— Если очень захочешь меня увидеть, — найдешь!

Пропеллер завертелся. И самолет умчался, поднимая снежную пыль. А затем проплыл в темном небе, заслоняя звезды.

Митя постоял. Снег весело танцевал в освещенном квадрате окна школы. Оттуда доносилась музыка, смех. Митя пошел было к школе, но вспомнил, что Лели там нет. И, понутив голову, повернул домой.

Он открыл дверь своей избы. Навстречу ему рывкнули звуки аккордеона. За праздничным столом хлопотала нарядная Митина мама. Посреди стола румяный гусь держал в клюве бумажный цветок, а вокруг лежали яблоки. Председатель сельсовета дядя Андрей играл на аккордеоне. И гости говорили все сразу.

— А-а, наконец явился! — сказала мама.

— Ну, как, весело было? — спросил какой-то гость.

— Совсем большой мальчик, — сказал кто-то. — А как он учится?

— Он у меня мечтатель, — любовно сказала Митина мама и положила на тарелку сына кусок пирога.

Митя уселся на лавку, поднес кулак к уху, тихо позвонил бубенчиком и принялся за пирог.

